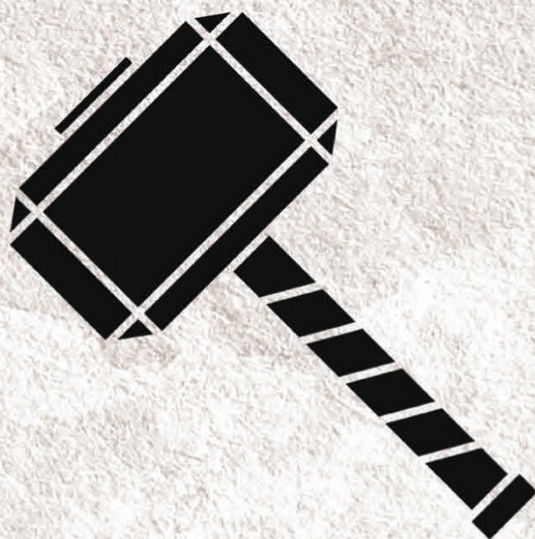

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

РАБИН ГУТ

СЕМЬ БЕД

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Рабин Гут

Алексей Лютый

Семь бед – один ответ

«Научная книга»

Лютый А.

Семь бед – один ответ / А. Лютый — «Научная книга»,
— (Рабин Гут)

Веселые и отважные менты оказываются в новом витке времени, который приводит их прямиком к древним скандинавам. Оказывается, в старинном Митгарде много общего с современным миром, те же волчьи законы и разборки враждующих кланов. Омоновец Жомов, криминалист Попов и кинолог Рабинович быстро смекают, как им нужно действовать, чтобы выбраться из этой ловушки времени.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Лютый

Рабин Гут. Семь бед – один ответ

Часть I

Здравствуй, Митгард – новый год!

Глава 1

Снег! Честное слово, снег, стригучий лишай меня порази. Я лежал, засыпанный снегом по самые уши, и не решался открыть глаза, как можно дольше растягивая наслаждение от легкого морозца. Нет, вы только не подумайте, что я пытаюсь дискриминировать другие времена года, но никогда еще я не испытывал такого наслаждения от зимы. И уж тем более не мог себе представить, что отмороженный нос, забитые снегом уши и сосульки на усах могут доставить настоящее удовольствие. А вот смогли! Поскольку наличие снега говорило о том, что мы все-таки покинули опостылевшую Англию и вернулись домой.

Да, забыл представиться. Меня зовут Мурзик, и я – пятилетний кобель немецкой овчарки. Причем рос не где-нибудь в подворотне, а в самом элитном питомнике. Впрочем, вы меня должны помнить, поскольку мы с вами уже знакомились. Ах, не припоминаете? Тогда сейчас так гавкну, что у самых забывчивых вмиг память восстановится. Вплоть до генетической! Хотя нет. Гавкать я все-таки не буду. Во-первых, воспитан слишком хорошо, чтобы, как последняя дворняга, на прохожих орать благим матом. Во-вторых, полную пасть снега получить не хочу. Я ведь в сугробе зарыт, не забываете. Ну и в-третьих, я не уверен, что у моих спутников сыщутся подгузники. А с испуганными людьми часто всяческие казусы случаются. Тут даже за примером далеко ходить не нужно. Случай один сразу припоминается.

Как-то раз вечером мы с моим хозяином, несравненным Сеней Рабиновичем, пошли на прогулку. Вечерок был тихий, спокойный. Снега тогда на улицах еще не было, а вот морозец уже чувствовался. Мне-то что? У меня шерсть хорошая. Конечно, по лохматости мне до сенбернара далеко, но зато на клацающего зубами бульдога могу свысока посмотреть: дескать, мерзни, мерзни, куцый хвост. А вот Сене моему несладко приходилось. И нос длинный покраснел, и уши начали в трубочку сворачиваться. А все из-за того, что у моего Рабиновича вновь начался период сексуальной активности.

Ей-богу, не пойму я этих людей! Все у них ненормально получается. Ладно еще весной они начинают за сучками... пардон, за самками, то есть женщинами, бегать. Тогда-то все ясно: листики распускаются, цветочки там всякие корявые из-под талого снега лезть начинают. Тут от одних запахов после безвкусной зимы даже у замшелого кобеля крыша с конуры съедет. Но вот чтобы поздней осенью, когда от одного вида голых веток с тоски не то что выть, котов гонять не хочется, пару себе искать – этого я никогда не пойму, хоть без куса говяжьей грудинки меня на Новый год оставьте!

Впрочем, думаю, Рабинович и сам не знал, с чего его на самок потянуло. Но как бы то ни было, Сеня шапку не надел, курточку кожаную не застегнул и таращился на все проходящие мимо особи противоположного пола с таким же выражением немого обожания, с каким баран разглядывает новые ворота. Он (Сеня, не баран, естественно) и с хозяйки того самого закоченевшего лысого бульдога глаз оторвать не мог. Поэтому и внимания не обратил на то, что впереди творится.

А прямо перед нами старушка мопса по аллее вела. Сама-то бабуля миленькая такая. Сухонькая, худенькая. Прямо-таки ходячий суповой набор. У меня даже слюнки от ее вида потекли. Но вот мопс у нее был – не пес, а слоновий ужас. Маленький, лохматый и наглый. Тявкает на всех, кто по пути попадается. А одного дога даже за заднюю лапу цапнуть успел. А у того, сами знаете, пока сигнал от нервных окончаний до головного мозга доберется и там уместиться попытается, лет двенадцать точно пройдет. В общем, дог, может быть, перед смертью и сообразит, что за наглая рожа на него наехала, но к тому времени уже от мопса одни кости останутся. Хотя бы потому, что я слопаю этого хама, если он и на меня гавкнуть попытается.

Впрочем, забивать пасть его вонючей шерстью я не собирался. Просто решил этой гавкающей начинке для вокзальных беляшей сюрприз небольшой устроить. Я подождал, пока суповой набор с блохой на поводке поближе подойдут, а потом, не дожидаясь, пока мопс придумает, как меня облаять, рявкнул на него так, что собака Баскервией от зависти поперхнулась бы. Оказалось, что переборщил!

Мопс от неожиданности прыгнул старушке под юбку и за что-то там зубами зацепился. За что именно, я не рассмотрел, поскольку воспитания не подзаборного, и женщинам, даже таким костлявым, под юбки не заглядываю, но старушке, видимо, порядочно досталось. Сначала у нее глаза на лоб вылезли, как у краба перед тралом. Затем они куда-то внутрь провалились. Причем так, что гланды стало видно. А уж потом старушка хрюкнула как-то загадочно, схватилась за сердце и плавно, как кирпич с пятиэтажки, спикировала на пятую точку.

Сеня мой, который до этого момента ни ходячий суповой набор, ни ее мопса дефективного замечать не желал, тут же спохватился и уделил старушке достаточное количество своего внимания. То есть внимание-то он сначала мне уделил. Как у него в таких случаях водится, начал альфа-лидера корчить – так заорал «фу» и «место», что не только я его мегаваттной мощности подивился, но и у старушки от сердца отлегло. Она в две секунды на ногах оказалась, давай на моего Сеню орать, словно это не мопс, а он ей там что-то под юбкой зубами прихватил.

В общем, старушка выжила, но Рабинович мне потом два дня нотации читал, как наша соседка малахольная своему нашкодившему коту. Я от его ворчания к концу вторых суток настолько отупел, что едва свою миску в качестве ночного горшка не использовал. Ну и решил я после того случая с внезапным лаем больше не экспериментировать. Поэтому и лежал тихо себе в снегу, наслаждаясь зимней прохладой после опостылевшего английского климата.

Спрашиваете, как мы в Англии оказались?.. Долгая история. Собственно говоря, я ее уже рассказывал однажды. Так что повторяться не буду. Все-таки я вам не «панасоник» какой-нибудь, чтобы ленту можно было перемотать и заново прослушать. Впрочем, если вкратце... Поскольку кто вас знает? Может быть, вы «Санта-Барбару» смотрели в то время, когда я о наших похождениях рассказывал?

А началось все десятого ноября. В наш профессиональный праздник – День работника милиции. Что здесь смешного?! Ну, работаем мы с Сеней в милиции. Я штатной ищейкой, а он моим кинологом, соответственно. Ну и что тут такого? У всех свои недостатки бывают. Некоторые и вовсе директорами бань работают. Или президентами стран там всяких. И никто над ними не смеется.

В общем, есть у нас в стране такой обычай – профессиональные праздники отмечать. Чаще всего с водочкой и вытекающим отсюда похмельем. Мой Сеня тоже не был исключением и каждый год вместе со своими друзьями – омовцем Ваней Жомовым и Андрюшей Поповым, что экспертом-криминалистом у нас в отделе работает – устраивал небольшую попойку. Небольшую, это в смысле для маленькой компании. В этот раз выпили они граммов по семьсот на брата и пошли «догоняться» в ближайший кабак.

Кстати, вот тоже словечко люди придумали – «догоняться»! Значит, приходят в бар, пьют водку так же, как до этого в лаборатории у Попова, и говорят, что «догоняются». Я вот так,

например, понимаю, что когда доберман себя за хвост начинает ловить, то он догоняется. А как люди «догоняются», садились от стула не поднимая, это уж, извините, выше моего понимания!

Как бы то ни было, трое друзей направились в бар. И нужно же такой гадости случиться, что именно в этот момент занесло в наше время Мерлина, короля Артура и сэра Ланселота Озерного. Этот старый хрыч (ох, попадется он мне как-нибудь вместо кошки!) что-то с заклинаниями своими напутал, и занесло его по спирали времени, как «Запорожец» на крутом повороте. А эти идиоты – Сеня, Жомов и Попов – с пьяных глаз приняли несчастных ископаемых за бродячих металлистов и решили провести задержание. Понятно, что у них голова не варилась, но хоть меня бы послушались! Я даже всеми четырьмя лапами в асфальт упирался, чтобы ментов остановить. Но разве такой бульдозер, как Ваня Жомов, остановится? Вот и получилось, что едва мои менты с аборигенами туманного Альбиона сцепились, как всю нашу компанию в древнюю Англию и забросило.

Мне потом подробно объяснил один бродячий уродец трехголовый, из-за чего так случилось, но я повторять это не буду. Во-первых, сейчас причины уже неважны. А во-вторых, объяснения этого монстра вы все равно без бутылки толком не поймете. Главное, что занесло нас в рыцарскую Англию – и уж чего потом с нами только не происходило. И в турнирах мы поучаствовали, и с эльфом-психопатом пообщались, и даже бревно ходячее видели. Ну а потом совместными усилиями отыскали берлогу Мерлина, воссоздали его эликсир, и на этом все кончилось. Англии больше нет, и я с огромным удовольствием вдыхаю аромат свежего снега и...

Постойте! А это еще что такое?!

Я тщательно принюхался. Сквозь приятный, морозный запах свежего снега подозрительно навлакивало аптекой. Несколько секунд я никак не мог вспомнить, что это за запах, а потом наконец сообразил – пахло йодом, соленым раствором и слегка какой-то гнилью. А ко всему этому примешивались и вовсе незнакомые запахи. Вот только вожделенного аромата бензина, блаженной вони выхлопных газов и милого сердцу запаха сырого асфальта совершенно не чувствовалось. Да и тишина стояла почти оглушающая. Лишь где-то вдалеке слышался какой-то странный рокот, похожий на шум общего собрания в нашем отделе. Чувствуя, как на загривке волосы поднимаются дыбом, я резко поднялся на все четыре лапы и отряхнул морду от снега.

Так и есть! Я же как нюхом чуял, что напортачат эти дуболомы что-нибудь снова. Ох, сейчас я отступлю от своих принципов и так рявкну, что и в Гималаях слышно будет. Хотя, может быть, для этого и особо напрягаться не нужно будет, ведь я ни фиги не понимаю, где мы находимся!..

С безнадежной тоской во взгляде, которой позавидовал бы и череп шута Йорика, я оглянулся по сторонам. Слева от меня возвышались скалистые горы, покрытые мхом, как щеки Сениного дяди, раввина, пейсами. Справа от меня, метрах в тридцати, земля куда-то исчезала, будто кусок пирога в ненасытном поповском желудке, обрываясь отвесной кручей прямо в грязно-серое море, тянувшееся до самого горизонта. Чуть дальше и правее берег врезался в море длинной извилистой косой, а прямо перед моим носом из снега торчали добротные ментовские ботинки с прилипшими к подошвам дубовыми листиками.

Глядя на них, я прямо-таки взбесился. У породистого пса тут, понимаете ли, трагедия настоящая случилась, а это пугало в форме, по вине которого я, между прочим, мотаюсь по всему свету, дрыхнет преспокойно. Нет, голубчик, любовь прошла, завяли помидоры! Сейчас я тебе такую побудку организую, что ты потом спать будешь ложиться только в тумбочку. Причем изнутри еще и на амбарный замок запираешься станешь.

Я зарычал, будто лев от приступа геморроя и, плюнув на правила гигиены, вцепился зубами в подошву ботинка. Уперевшись лапами в землю, я принялся трясти ботинок во все стороны с такой силой, что, будь моя жертва поменьше, точно бы потеряла ногу. Однако мусор

в башмаках оказался Ваней Жомовым, а этому лосю мои усилия – что «Титанику» ручная помпа. Он только слегка замычал и лениво высунул голову из снега.

– Мурзик, ты че? Офонарел? – удивленно поинтересовался Жомов, растирая кулачищем слипшиеся ресницы. – Чего в такую рань людей будишь? – И тут же резко сел. – Вот те хрен! Откуда горы?

Резонный вопрос! Они, Ванечка, вырасти успели, пока мы по средним и не очень векам гонялись. И люди теперь у нас не в домах, а в норах живут...

– Ты чего разорался, Мурзик? – удивленно отреагировал Жомов на мои вопли. – Я тебе на хвост наступил? Извини тогда...

Все! Больше с этим олухом разговаривать не о чем. Я выплюнул из пасти остатки дубовой листвы и отошел в сторону. Мне хотелось выть, как шавке подворотной, да гордость не позволяла. Поэтому мне только и оставалось, что горестно вздохнуть и примоститься на камне, ожидая дальнейшего развития событий. Впрочем, ждать пришлось недолго.

Пока Ваня удивленно хлопал глазами, пытаюсь сообразить, в какой стороне ближайший пивной ларек, очухался мой Сеня. Он как выбрался из снега, так и застыл с открытым ртом, будто призрак коммунизма увидел. Тот самый, который когда-то по Европе бродил. Мне и его облаять жутко хотелось, но стоило только увидеть, как этот олух длинноносый губами от удивления шамкает, пытаюсь, видимо, поэтично описать окружающий пейзаж, как все желание пропало куда-то, бодренько вильнул хвостом. Жалко мне Рабиновича. Хозяин все-таки!

– Ванечка, миленький, скажи мне, пожалуйста, ты поросеночка нигде вокруг не видишь? – ласково поинтересовался Сеня, обводя глазами окрестности, а у Жомова от такого непривычного обращения нижняя челюсть отстегнулась.

– А что, здесь разве поросята должны быть? – удивленно произнес Иван, когда наконец смог пристроить челюсть на место. – Мы на свиноферму попали, что ли?

– Я еще не знаю, куда мы попали, но одну свинью я точно прикончу, – все тем же ласковым голосом пролопотал Рабинович, а потом вдруг заорал: – Где Попов, я у тебя спрашиваю?!

Я от удивления даже подпрыгнул на месте, словно спящий кот от автомобильного клаксона, и принялся жалостливо смотреть, как мой хозяин заметался кругами около Жомова. Передавать всю тираду, которую во время своего кругового забега произносил Сеня, не имеет смысла. Достаточно сказать, что, кроме матерных, в ней было всего три слова: «убью», «освежую» и «свинья», употребляемые в различных падежах. Впрочем, понять причины его ругани было можно. Уж если я едва от потрясения Жомова не искусал, то моему Сене проораться и вовсе сам бог велел.

А Андрюши на самом деле нигде видно не было. Окрестный берег был девственно пуст, как холодильник после трехмесячной задержки зарплаты. Я втянул воздух, пытаюсь унюхать крайне характерный (и это еще мягко сказано!) запах Попова, однако ничего, кроме довольно сомнительного по качеству аромата моря, не почувствовал. Судя по всему, на этом забытом богом побережье мы были только троим. Я, Сеня и Жомов. А Андрюша каким-то образом умудрился испариться. Я в недоумении снова огляделся по сторонам.

Того, что случилось с нами после поглощения зелья в пещере у Мерлина, произойти просто не могло. Ахтармерз Гварнарытус, один крайне образованный житель параллельного нашему измерения, очень доходчиво объяснил, что разделиться наша компания просто физически не могла. Согласно каким-то там законам пространственно-временного континуума троементов вместе со мной, перенесаясь из будущего в прошлое собственного измерения, являлись единым фактором, влияющим на искривление временной спирали, и потеря одного члена группы приводила к таким сильным повреждениям всего существующего мироположения, что могла вызвать общий коллапс нашей вселенной.

В общем, говоря простым языком, если мы переместились куда-то вместе под воздействием одного и того же фактора, то и обратно порознь возвратиться не можем. Иначе всей

вселенной конец настанет. То, что мы куда-то переместились из древней Англии, было фактом, не требующим доказательств. Достаточно просто по сторонам посмотреть. Но этот же простейший обзор окрестностей говорил о том, что Андрюши с нами нет. Получалось, что либо трехглавый Ахтармерз врал, как пьяный гопник, либо мы все были уже на том свете.

Я попытался понять, устраивает ли меня такой загробный мир и та компания, в которой мне придется проводить вечность, но обдумать до конца подобное положение не успел: откуда-то с моря донесся дикий вопль. Поначалу мне показалось, что вопит какой-то полусумасшедший кит, по ошибке принявший прибрежный риф за подругу жизни, но буквально после первых пяти нот вопля понял, что рык этот вполне человеческий. Более того, знакомый до спазмов в желудке.

У края обрыва я оказался куда быстрее Жомова с Рабиновичем и сразу понял, что вкушать прелести загробного мира мне еще рановато. Внизу, на огромном камне, метрах в двадцати от берега, прямо посреди пенившихся волн, сидел не кто иной, как Андрюша Попов и вопил во всю мощь своей луженой глотки. Причем орал криминалист так, что попадавшие в поток воздуха из его легких чайки сыпались в воду одна за другой, как «мессершмиты» после зенитного залпа.

По-моему, лишь одной несчастной животине удалось выскользнуть из-под ударной волны Попова. Но чайка, вытаращив от изумления глаза, словно попадая при виде сатаны, полностью потеряла ориентацию и пыталась пролететь сквозь скалу. Скала с таким положением дел соглашаться категорически отказалась, и чайке пришлось добавить к своей контузии легкое сотрясение мозга. Птичка кивнула головой и плавно спикировала в воду, навстречу всплывавшим кверху брюхом из глубин моря оглушенным рыбам. Сеня удивленно осмотрел нестройные ряды почитателей поповского таланта, раскачивающихся на бурных волнах, и хмыкнул.

– Ну что же. По крайней мере треской мы теперь на полгода обеспечены, – вздохнул он и поинтересовался у притихшего Попова: – И что, скажи на милость, ты там делаешь, Андрюша?

– Сеня, кончай свои шуточки и вытаски меня отсюда немедленно! – завопил в ответ криминалист так, что следом за рыбами со дна и мидии кверху брюхом всплыли. – Иначе я такую бучу сейчас устрою, что тебе дежурство на концерте «Арии» медом покажется.

– Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего, – развел Рабинович руками. – Сам дерьма натворит, а потом других костерит...

– Так, значит, это твои проделки, Сеня? – угрожающе надвинулся на моего хозяина Ваня.

– Ну а чьи же еще? – Рабинович пожал плечами. – Мы вчера, как домой вернулись, набрались до потери пульса и решили отправиться на горнолыжный курорт. Что, не помнишь?

– Че, серьезно? – Да, похоже, у Жомова от перелетов во времени и пространстве совсем мозги усохли! Хотел я ему пару ласковых сказать, но не стал. Все равно Ваня нормального языка не понимает, а так, как командир ОМОНа, я разговаривать не умею. Хотя в принципе он здорово похоже на меня гавкает.

– Ваня, с такими вещами не шутят. – Мой Рабинович произнес это с таким серьезным видом, что мне пришлось морду лапами закрывать. Иначе своим смехом я ему весь спектакль испортил бы. – Мы же кучу бабок с собой привезли. Вот и решили покутить. – Сеня похлопал себя по карманам: – А кстати, где деньги?..

Ну вот, начинается! Стоит только моему хозяину о деньгах вспомнить, так вокруг хоть трава не расти. Хотя сейчас она и так расти не будет, даже если Сеня «Семь-сорок» ради такого случая слабает! Помню, как-то раз мы с Рабиновичем стояли на контроле у входа на стадион. Болельщиков шмонали, чтобы они всякие запрещенные вещи на стадион не несли. Вроде пивных пластиковых бутылок с неотрезанным горлышком. Так вот, бог весть с чего, но мой Сеня вдруг решил, что где-то червонец посеял. Он тут же обо всем на свете забыл и из комы не вышел, пока этот злополучный червонец в заднем кармане брюк не отыскал. А мне пришлось в дверях встать, иначе мимо нас и гаубицу бы проперли незамеченной.

Вот и сейчас Сеня начал усиленно рыться в карманах, выгребая на свет божий пригоршни самоцветов и расплываясь в улыбке с каждой новой порцией, как кот от очередной дозы валерьянки. Он и про Попова, которого материл на чем свет стоит пару минут назад, забыл, и на Ванечку внимания не обращал, да, по-моему, Рабиновичу и вовсе безразлично стало, где он сейчас находится.

Я на него смотрел и завидовал. Думал, вот бы и мне какое-нибудь хобби найти, вроде грабежа драгоценностей с последующим лобызанием их, чтобы об окружающем нас пейзаже не думать, вот только в голову ничего не шло. Телевизор, понятное дело, нам сюда никто не притащит, а от всех прочих человеческих радостей такой зубной зуд появляется, что хочется хоть кого-нибудь укусить. Хоть кота облезшего, и хрен с ней, с его шерстью в моей пасти! И тут мне вдруг вспомнилась та самая московская сторожевая, которую я перед перелетом в древнюю Англию видел в магазине. Как представил, что я с ней сделаю по возвращении домой, так сразу на душе теплее стало.

А Сеня мой тем временем камушки все из карманов выгреб, пересчитал тщательно и обратно укладывать начал. К тому моменту, когда он закончил, Андрюша уже не орал, а только сипел что-то невнятное с валуна. Видимо, бедняге морская вода в громкоговоритель попала! Жомов успел пистолет почистить и теперь швырял с обрыва булыжниками, стараясь попасть в ту рыбу, которая еще трепыхалась. Я зевнул и посмотрел на Попова. И кто же за тобой, Андрюшенька, в ледяную воду полезет?

– Слушай, Сеня, пошутили и хватит, – взмолился со своего рифа Попов. – Давай, доставай меня отсюда.

– А вот это не выйдет, Андрюшенька, – елеинным голосом проговорил мой Рабинович, засовывая последний алмаз в бездонный карман ментовской куртки. – Ты у нас наказан.

– Да ладно, Сеня! Подумаешь, погорячился, сказал, что бучу подниму, – развел руками Попов. – Ну с кем такого не бывает?

– Ни с кем! Такое только с тобой бывает, – отрезал Сеня. – Ну-ка скажи мне, как менту, вот это, все вокруг, похоже на наш дом? Объясни мне, что это за место и как нас сюда занесло. Как мы сюда попали, ты, алхимик недорезанный?!

– Так, я чего-то не понял, – встрял в их содержательный диалог Жомов. – Ты же говорил, Сеня, что это лыжный курорт. Прикололся, что ли?

Рабинович после этих слов бессильно рухнул на ближайший камень. Смотреть нужно, Сеня, куда падаешь! Камню-то, конечно, все равно, но ведь секундой раньше я на нем сидел. Не успею я вовремя отскочить, пришлось бы изображать камбалу под рабинадом! Я, конечно, понимаю, что Жомов иногда кого угодно в транс ввести может, но и о любимом псе забывать не следует.

– Так, значит, мы не дома? – тупо поинтересовался Ваня у закатившего глаза Рабиновича, все еще не веря в то, что домой вернуться не удалось.

– Ты совсем тупой или притворяешься? – не выдержал Сеня.

– Да пошел ты... – посоветовал ему Жомов, но почему-то ушел сам.

Минут на десять все трое друзей попросту застыли, пытаясь прийти в себя. Жомов стоял на краю обрыва, глядя вдаль, словно статуя Ильича. Сеня мой застыл на камне в позе роде-новского «Мыслителя». Даже Попов, махнув на все рукой, попытался опуститься на пятую точку. Но, получив в физиономию соленой пеной, тут же вскочил и грустно выматерился. Я попытался было подбодрить друзей, бегая от одного к другому, но ничего хорошего из этой затеи не вышло. Жомов от меня отмахнулся, Андрюша на мой лай и внимания не обратил, а преподобный Рабинович и вовсе едва пинка не отвесил... Ну, я тебе припомню, Сенечка!

Впрочем, нужно отдать ему должное. Именно Рабинович первым нарушил затянувшееся молчание. Поднявшись с замшелого камня, Сеня подошел к краю обрыва и внимательно

посмотрел вниз. Кроме глушеной рыбы, там ничего полезного не было. Да и ту уже волнами по всему заливу разбросало. Рабинович вздохнул.

– Попова вытаскивать нужно, – обреченно проговорил он. – Не дай бог еще насморк поймает на свою жирную задницу.

Ваня подошел и встал рядом, в точности скопировав задумчивую позу Рабиновича. Я тоже пристроился около них, хотя сейчас, впервые за долгое время, даже мне в голову не приходило, как можно выбраться из сложной ситуации. Посмотрев на обоих ментов, я тоже вздохнул и положил голову на лапы. А-а, думайте сами! Не век же мне вас из всякого дерьма вытаскивать.

– Может, отлива дождемся? – Жомов высказал неожиданно здравую мысль. Рабинович удивленно посмотрел на него, а затем перевел взгляд на небо, затянутое серыми, под цвет моря, тучами.

– А вдруг сейчас отлив? – полюбопытствовал он у омовца. – Разве тут разберешь, который час теперь? Может, наоборот, прилив скоро начнется?

– Ну, тогда он, блин, в натуре, сам до берега доплывет, – пожал плечами Ваня.

– Я тебе доплыву, рожа твоя жлобская! – заорал со своего камня Попов. – Вытаскивайте меня быстрее. Я уже жрать хочу.

– Рыбки сырой пожри, – обиделся на «жлобскую рожу» Жомов. – Тебе, борову, один хрен, что трескать.

– Да заткнитесь вы! – оборвал обоих Рабинович. – Дайте подумать. – И тут же вцепился мне в ошейник. – Мурзик, ты что?!

Я что? Да я ничего! Я просто вскочил с места, чувствуя, как шерсть на загривке поднимается дыбом. Может быть, я еще не говорил, но единственным человеком, рядом с которым я спать ни за что не лягу, является Андрюша Попов. И все из-за ужасающего запаха у него из-под мышек. Там такой аромат стоит, что ментовская «черемуха» по сравнению с ним «Шанелью № 5» кажется. Как Ваня по пьянке под стол ко мне падает, так я бегу сразу, куда глаза глядят, пока они вообще глядеть могут. Людям-то что? У них нюх, как у крота зрение. А у меня от запаха Попова сразу слезы текут и обоняние отшибает напрочь, хуже чем от табака, рассыпанного прямо на свежем следе преступника.

Никогда не думал, что что-нибудь на свете вонять сильнее может. Однако однажды довелось мне встретить типчика, у которого изо рта несло крепче, чем у трех Поповых из-под мышек. Вот уж не думал, что еще когда-нибудь доведется мне этот ароматец почувствовать, а вот на тебе, он тут как тут!

Ставший знакомым запах усиливался с каждой секундой. Мои менты его еще не чувствовали, но мне он так в нос шибанул после девственно чистых ароматов здешнего мира, что я зафыркал, как кот, и невольно назад попятился. А если учесть, что к тому времени я уже стоял ж... извините, крупом к обрыву, то представляете, что могло случиться, если бы меня Сеня за ошейник не поймал. Он удивленно посмотрел на мою перекошенную, как у спрессованного бульдога, физиономию и поднял глаза вверх.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – удивленно присвистнул Рабинович. – Ваня, смотри, какие к нам гости пожаловали!

Жомов посмотрел в указанном Сеней направлении и едва не поперхнулся от смеха. Да и было с чего! Поскольку на скалу прямо перед нами выбрался невесть откуда Ахтармерз Гварнарытус собственной персоной – трехголовая многофункциональная пикирующая газовая горелка. Дракон посмотрел на нас сразу всеми тремя головами, и средняя из них обиженно всхлипнула.

– Ну и как, господа хорошие, это называется? – Ахтармерз обвел крыльями все вокруг.

– Где-то я уже это слышал, – ехидно хмыкнул Рабинович, а Ваня заявил одновременно с ним:

– Привет, Горыныч. А ты че здесь делаешь, блин?

– Это я у вас спросить хочу, гуманоиды бестолковые, – возопил дракон и начал раздуваться. – Вы уж, пожалуйста, объясните мне, что в этот раз натворили. Я же не должен был вместе с вами в эту дыру попасть! Согласно теории Хрелфака Алтырмынского...

– Ты кого гуманоидами обозвал, змеюка говорящая? – возмущенно перебил его Жомов. – Выбери, гадюка трехглавая, на каком глазу у тебя фонарь первым вырастет!

– И сколько же мне этот беспредел терпеть? – возмутился Горыныч и от обиды увеличился еще вдвое. – Мало того, что таскаете меня за собой, словно крыстапеста домашнего, так еще и обозвать норовите? И это у вас называется цивилизованным ведением диалога. Между прочим, нам еще в первом классе преподавали этику взаимоотношений различных разумных рас параллельных миров. А вас, видимо, даже элементарной вежливости в школе не научили! Я же уже не раз говорил, что с рептилиями вашего мира сходство у меня минимальное...

– Может, хватит? – оборвал его тираду Рабинович, и я облегченно вздохнул. Дай этому ироду волю, он до вечера болтать будет. Или до утра. Смотря который сейчас час.

– Еще раз тебя спрашиваю, ты-то что здесь делаешь? – почему-то присвоил себе Сеня вопрос Жомова.

– Да, видимо, все хуже, чем я думал, – пробурчала себе под нос средняя голова Горыныча и, увидев недоуменные взгляды, направленные на нее, дополнила: – Я вам говорил, господа, что в случае удачного эксперимента по возвращению в ваше настоящее, временная спираль должна была занять нормальное положение и ликвидировать все парадоксы, возникшие из-за вашего неосторожного переноса в прошлое.

– Господи, кошачий ты сын! Если в его вселенной все так разговаривают, в жизни туда в гости не поеду. Впрочем, извините! Слушаем Ахтармерза дальше.

– Видимо, в ваши действия закралась какая-то ошибка, – лишь слегка покосившись в ответ на мою реплику, продолжил он свой рассказ. – И поскольку я как парадокс взаимоотношений между параллельными мирами домой не вернулся, следовательно, вы в данный момент находитесь не у себя дома. Я не ошибся?

– Удивительная проницательность для ленивого второгодника, – фыркнул Рабинович, и дракон еще немного увеличился в размерах. Интересно, он может лопнуть?

– Так, может быть, если ты такой знаток парадоксов, то объяснишь нам, куда мы попали? – продолжал язвить мой Сеня. – Или у тебя кишка тонка? Орешек знаний не колется?

– Ничего мне не колется, – буркнул Ахтармерз и шмыгнул носом. – А я-то думал, что вы мне подскажете, в какую эпоху нас теперь занесло...

– Слушай, Горынушка! – вдруг истошно завопил с валуна Попов. – Давай отношения потом выяснять, а пока придумай, как меня с этой кочки вытащить!

Ахтармерз удивленно посмотрел по сторонам, а затем вытянул над нашими головами шею и заглянул через обрыв. Андрюша Попов переминался с ноги на ногу, стоя на скользком валуне, и отчаянно махал руками, стараясь привлечь к себе внимание. Хорошо, что прибой слабый был. А то куковать бы Попову на пне, словно Русалочке из Копенгагена, до скончания веков. Глядишь, местной достопримечательностью бы стал, если, конечно, его рыбы обиженные не слопают на завтрак. А Горыныч по очереди посмотрел на Андрюшу всеми тремя головами и проговорил:

– Нет ничего проще. Сейчас я спущусь и вывезу его оттуда.

– Ты с ума сошел? – испуганно завопил Попов, едва не сбив своим рыком дракона с края уступа. – Чтобы я на птеродактилях летал? Не бывает этому. Я вам не валькирия какая-нибудь. И вообще, высоты боюсь. Уж скорее петух нестись начнет, чем я на эту склизкую животину заберусь.

– Попов, заткнись! – заорал Сеня, но было уже поздно.

Слово не воробей и даже не курица. Поэтому поправить положение оказалось невозможным, и на Андрюшу невесть откуда свалился здоровый черный петух. Пристроившись прямо на подмокшей поповской лысине, командир курятника неистово прокукарекал три раза, клюнул Андрюшу в темечко и, снеся огромное золотистое яйцо, умчался куда-то в сторону морского горизонта.

– Ни хрена себе, курочка Ряба! – удивленно пробормотал контуженный Попов, держа яйцо обоими руками, а затем свалился на пятую точку. – А где та мышка, которая хвостом должна махать?

Мышки поблизости не нашлось, даже компьютерной, зато хвостов было сколько угодно. А точнее, два. Мой Андрюше не подошел, поскольку оказался мелковат размером. Зато хвост Горыныча пришелся в самый раз, и несколько секунд мы с Рабиновичем и Ваней наблюдали смертельный трюк под названием «рыбалка для хвоста». Горыныч, спикировав с уступа прямо к валуну, низко опускаться не решился. Вместо этого он ловко, словно волейболист уходящий мяч, поддел хвостом Попова, подкидывая его метра на два вверх. Андрюша истошно заорал и попытался стукнуть супостата своим богатырским кулаком, но Горыныч ловко увернулся и, подцепив толстяка когтями за шиворот, одним движением перебросил его к нам на уступ.

– Вот это у тебя трюк получился, тигелевая печь трехголовая! – изумился Жомов. – В регби играть никогда не пробовал? Или в американский футбол?

Вместо ответа Горыныч трепыхнулся и вдруг стремительно стал уменьшаться в размерах. От неожиданности мы даже про Попова забыли, уставившись на такую стремительную метаморфозу, происходящую с нашим невольным спутником. Горыныч и раньше нас тешил подобными трюками, но с такой скоростью он еще никогда не уменьшался! Я даже взвизгнул от удивления, словно дворняга, которой на лапу наступили.

– Все. Переохлаждение, – слабым голосом пролопотал Ахтармерз в ответ на наши удивленные взгляды и разинутые рты. – Я же вам говорил, что с рептилиями у нас только температурный режим общий.

Ваня Жомов, не медля ни секунды, стянул с себя омоновский бушлат и бросился к тающему на глазах дракону. Он закутал его так, что наружу выглядывали лишь шмыгающие носы всех трех голов, а затем прижал к себе псевдорептилию, будто кормящая мать грудного ребенка. Мой Сеня только удивленно хлопнул челюстями.

– Как он там? – поинтересовался Рабинович, кивнув головой в сторону укутанного Горыныча.

– Спасибо, жить буду, – раздался откуда-то из бушлата комариный писк. – Пока еще холодно, но в норму я приду.

– И то радуется, – фыркнул Сеня и, повернувшись к Попову, похлопал его по лысине. – Вот и все, а ты боялась. Даже юбка не помялась.

– Да пошел ты, – буркнул Андрюша и, поднявшись на ноги, посмотрел через край обрыва. – Эх, жалко, рыбы столько пропадает. Сейчас бы ее на сковородочку да с лучком!..

– Перетопчешься, чревоугодник доморощенный, – усмехнулся Рабинович. – С сегодняшнего дня и до того дуба переходишь на подножный корм.

– До какого дуба? – Перепуганный Андрюша, прищулив глаза, всмотрелся вдаль.

– Дурак ты, – констатировал мой Сеня и обвел всех присутствующих взглядом. – Ну что, пошли, что ли?

– Куда? – удивился Иван.

– С этой стороны берег упирается в горы и обрывается в море, – тоном экскурсовода продекламировал Рабинович. – А это значит, что нас ждет дорога в противоположном направлении. Заодно и красотами здешних гор налюбуемся...

Уж простите меня, пожалуйста, но сдержаться я не мог и залаял, словно щенок сопливый! Я-то уже давно решил, что сидя на месте мы ничего выяснить не сможем. И вот теперь до

моего гениального хозяина эта мысль тоже дошла. Теперь пойдем вперед и будем надеяться, что где-то там, вдалеке, хоть какие-нибудь люди водятся. А потом... Суп с котом! Эх, где наша не пропадала!..

Глава 2

Пятеро путешественников еле плелись вдоль береговой ленты, обрывающейся в серое море крутыми склонами. Первым шел бронебойный Ваня Жомов, пытаясь расчистить путь для остальных. Он то проламывался через наметенные сугробы по пояс в снегу, словно танк через склад с туалетной бумагой, то скидывал с обрыва довольно большие валуны, а иногда вырывал с корнем какие-то деревья, отдаленно напоминавшие карельские карликовые дубы. Однако у Жомова они вызвали несколько иные ассоциации, напоминая ему одного прошлого знакомого – онта Корявня. Ваня никак не мог забыть бесцеремонное обращение, учиненное этим ходячим пиломатериалом над своей особой, и, выдирая дубки, бормотал себе под нос:

– Экземпляр, говоришь, хороший? В навозе, говоришь, замачивали? Лес, говоришь, бревно дрейфующее, беречь нужно?.. Ну-ну! Я вот домой вернусь, лесорубом, блин, пойду работать. Посмотришь тогда, пенек болтливый, как я о природе забочусь...

Корявня поблизости не было, поэтому наставлять разгулявшегося древогуба на путь истинный никто не собирался. Карликовые деревья летели во все стороны, словно мухи от хлопушки. А Ваня, отдохнув на отрезке с валунами, принимался корчевать следующую мини-рощицу. Рабинович, который тащил позади Жомова Горыныча, все еще завернутого в Ванин бушлат, терпел жомовский беспредел долго, но когда один из дубков пролетел около его носа, едва не попортив Сенину античную красоту, он все-таки не выдержал.

– Ваня, родной, – ласково проговорил Рабинович, поудобнее устраивая под мышкой бушлат с Горынычем. – Если у меня мимо головы еще хоть один куст пролетит, то вокруг тебя стаями камни планировать станут.

– Действительно, с природой этого мира нам нужно быть поаккуратнее, – поддержал его уже отогревшийся Горыныч, высывая нос средней головы из-под воротника. – Мы ведь даже не знаем, в какую вселенную угодили. И любое воздействие на окружающую среду может вызвать непоправимые катаклизмы данного мира...

– Ты хоть сам понял, что сказал? – полуобернувшись к неожиданным оппонентам, поинтересовался Иван. И прежде чем растерявшийся Ахтармерз смог что-то ответить, добавил: – Вот и молчи лучше, керосинка говорящая. А то сейчас выйдешь из бушлата, как индюк из норы, и пойдешь своими двоими снег месить!

– Ваня, а кто тебе сказал, что индюки в норах живут? – поинтересовался Рабинович, удивленный столь сенсационным открытием доморощенного орнитолога.

– Ну, не индюк. Ну, страус! – отмахнулся от него Жомов, выдирая из каменистой почвы очередной куст. – Тебе какая, хрен, разница?

Оспорить новое гениальное утверждение у Сени уже не было сил, и ему оставалось только горестно вздохнуть. Он лишь представил себе страуса, вылезающего из норы, и тут же замотал головой, пытаясь отогнать пугающие образы. Больше того, Сеня постарался думать о чем-то приятном. Например, о новой фуражке, которую он купит взамен утраченной на средства, вырученные после продажи драгоценных камней ювелиру.

«Кстати, ювелира нужно будет найти такого, чтобы разбирался в камнях, но ничего не смыслил в их стоимости, – сосредоточенно подумал Сеня. – Вот только поторговаться нужно как следует. А то они, гады, все норовят честного еврея обьегорить!»

И тут Рабинович понял, что сам ни бельмеса не понимает в настоящей ценности самоцветов. К тому же неизвестно еще, что случится с курсом доллара к моменту их возвращения. Да и весы будущего покупателя драгоценных камней проверить не будет никакой возможности, а Сеня на глазок не сможет определить, сколько каратов в каждом камне! От мысли о том, что его действительно могут обмануть, как какого-нибудь якутского чабана, Рабинович застонал.

– Ну, спасибо тебе, Ваня, – сердито проговорил он, глядя в широкую спину добровольного бульдозера. – Умеешь ты людям настроение портить!

От таких слов Жомов на несколько секунд оцепенел, прекратив перепланировку ландшафта. Он, превративший несколько гектаров пересеченной местности в идеально ровную дорогу ради удобства передвижения друзей, не ожидал от них таких подлых обвинений и уже был готов разразиться тирадой в лучших традициях омоно-гоблинской лексики, но в разговор встрял доселе молчавший Андрюша Попов. С трудом переводя дух после непривычно далекого путешествия пешком, он все же нашел в себе силы сердито проворчать:

– Сеня, что ты ко всем цепляешься? Вместо того чтобы ворчать, уж лучше придумал бы что-нибудь на обед.

– А тут, Андрюша, у нас только один вариант существует, – ехидно проговорил Рабинович, оборачиваясь к криминалисту, замыкавшему шествие. – Зажарить твою свиную тушу на той раскладной газовой плите, которую я в руках несу.

– Да прекратите вы издеваться! – вспыхнул Горыныч и от обиды начал раздуваться. – В конце концов, я к вам в компанию не напрашивался. Это именно из-за ваших идиотских поступков мы до сих пор мотаемся неизвестно где. А я, между прочим, еще домашнее задание по прикладной биоэнергетике не сделал...

– А у меня рыбки дома не кормлены! – поддержал его Попов.

– А я в тире давно не был, – безапелляционно заявил Жомов.

Через пару минут орал все. Попов размахивал руками и после особо обидных выражений в свой адрес горланил так, что, не будь чайки уже осведомлены о возможностях его вокала и не держись они на почтительном расстоянии, их поголовье понесло бы куда более значительный урон, чем во время арии криминалиста на одиноко торчавшем валуне. Впрочем, пострадавшие от воплей Попова все же были. Одного неосторожного лемминга, из-за глупого любопытства высунувшего из норки нос, впечатало в дальнюю стену так, что потом трое кротов в течение суток проводили спасательные работы по его освобождению. Да Горыныча, к тому времени уже вставшего на крыло, едва не сбросило в воду.

Ахтармерз уже вовсю парил над спорящей троицей, закладывая лихие виражи и поливая ментов сверху потоками лингвистических испражнений на тему умственных способностей гуманоидного класса вообще и данных индивидуумов в частности. Рабинович язвил без перерыва, успевая так лихо давать отпор всем своим оппонентам, что его любимая тетя Соня пришла бы в неописуемый восторг и безропотно отдала бы Сене пальму первенства в базарно-торговых перепалках.

У Вани Жомова, чей словарный запас был явно беднее, чем у остальных собравшихся, все аргументы в споре о личных качествах и степени вины кого-либо из четверки сводились в основном к возгласам «а в рыло?» и швырянию в море особо крайних камней. Впрочем, камни на него не обижались. Им было все равно, где лежать, и они тихо тонули, выбирая на дне моря местечко поуютнее для нового места жительства.

Только я в дискуссии не участвовал. (Что я, дурак что ли?) И первое время даже пытался растащить спорщиков, вцепляясь зубами в штанину то одному, то другому. Но затем плюнул на все и, отойдя подальше, начал метить территорию, презрительно поглядывая на ментов. Впрочем, через пару минут мне это занятие крайне надоело. Найдя себе место посуше, я преспокойно улегся на брюхо и, положив голову на передние лапы, закрыл глаза. Мол, кончите орать, разбудите!

Неожиданно этой семейной идиллии пришел конец. Ахтармерз, набравший от злости к тому времени уже приличный размер и максимальную высоту полета, вдруг прекратил участие в перебранке и, развернувшись по направлению недавнего маршрута движения ментов, на несколько секунд завис в воздухе. Затем, резко спикировав вниз и потеряв на пути девяносто процентов объема, опустился на плечо Рабиновича и отчетливо проговорил:

– Не хотелось бы отрывать вас от дискуссии, но мною с высоты бреющего полета замечены подозрительные дымы примерно в двух кабельтовых к норд-осту.

– Уйди, просроченный освежитель воздуха. – Сеня, брезгливо поморщившись от нестерпимого запаха из пастей Горыныча, стряхнул его с плеча и, когда тот спикировал в руки к Попову, поинтересовался:

– И что там происходит?

– Думаю, эскадра адмирала Тирпица прикрывает высадку десанта в Норвегии, – рапортовал Горыныч и тут же двумя крайними головами удивленно посмотрел на третью. – Упс!..

– А Тирпиц, это кто? – ничего не понимая, поинтересовался Жомов.

– Ваня в кожаном пальто! – буркнул Рабинович и, не дожидаясь комментариев на свою реплику, кивнул головой. – Ладно. Пошли посмотрим. Где дым – там люди. По крайней мере выясним, где находимся.

Пришлось прекратить изображать спящую принцессу и бежать вперед, оставив далеко позади остальных путешественников. Горыныч, вновь успев основательно промерзнуть на холодном и сыром воздухе загадочного побережья, опять переместился в теплое нутро жомовского бушлата. Правда, на этот раз его тащил на себе Андрюша, отфыркиваясь от натуги и что-то бормоча под нос. Однако неожиданно для всех ленивый и неповоротливый криминалист в этот раз не отставал от более искушенных в пеших прогулках друзей.

Жомов уменьшил свое рвение по уничтожению местной фауны и убирал с дороги лишь то, что действительно мешало пройти. Впрочем, таких препятствий было немного, поскольку относительно ровная часть скалистого берега значительно увеличилась. Более того, уже успевшие намозолить глаза горы, судя по всему, не более чем в километре прямо по курсу заканчивались, отступая куда-то на север.

Впрочем, север в этой части света друзья смогли определить лишь довольно относительно. Направление они выдерживали именно то, которое указал Горыныч, однако тот и сам не понимал, что за местный леший дернул его за язык сказать именно о двух кабельтовых к норд-осту. Да и про адмирала Тирпица он в жизни не слышал. История Земли в его измерении – предмет факультативный, и ходить на него совсем необязательно. Тем более второгодникам начальных классов!

Пока три ошалевшие головы Горыныча телепатически спорили между собой о причинах, побудивших буйную среднюю черепушку нести несусветную чушь, его толстоватый рикша следом за Рабиновичем и Жомовым мчался со всех ног в сторону многочисленных дымов, уже отлично видных с земли. Собственно говоря, всем было абсолютно по барабану, что именно там впереди загрязняет девственный воздух – эскадра Тирпица или цементный завод – главное, что столько дыма могли произвести только люди. А ничего другого уставшим, измученным и озверевшим от отсутствия возможности хоть кого-нибудь разогнать или забрать в «трюм» ментам и не требовалось.

– Ох, ни хрена себе! – возмутился Жомов, тормозя на краю плато, словно паровой каток на повороте. – Это что еще за беспредел?

Дальше дорога уходила вниз. Собственно говоря, сказать, что она уходила, было не совсем правильно. Если здесь и была когда-то какая-нибудь дорога, то она точно давно ушла, оставив за собой усеянный валунами склон. Спуск вниз был довольно крутым, зато сразу за ним лежало дивное в прошлом плато, ныне оскверненное многочисленными пожарами.

Внизу, на берегу довольно симпатичного залива, на берегу узкой речки некогда стояла небольшая деревня. То, что она собой представляла раньше, сейчас разобрать было трудно, поскольку большинство домов полыхали вовсю. Впрочем, если судить по корявому строению на небольшой возвышенности чуть вдали от берега, шедевров архитектуры в этой части света явно не существовало. Само по себе оно представляло редкостную помесь свинарника с водонапорной башней, да к тому же было окружено частоколом из заостренных бревен, по углам

которого торчали косые башенки со съехавшими, как у рокеров после удара Вани Жомова, крышами. Ну а дополняли антураж окружающего пейзажа несколько корявых одномачтовых лодок около деревянного заплесневелого пирса.

– Вот это да! Дракары, – пробормотал изумленный Попов, юзом тормозя около Жомова.

– Да мне по хрену, драные это куры или ощипанные петухи! – рявкнул на него Ваня. – Ты посмотри, что внизу творится.

Андрей посмотрел вниз и покачал головой. Там, на берегу залива, между полыхающих домов метались какие-то люди. Впрочем, с представителями гомо сапиенс у этих существ было весьма отдаленное сходство. Большинство из тех, кто носился по берегу, скорее напоминали озверевших после литра самого крепкого самогона пещерных медведей, чем кого-либо другого. Одетые в какие-то шкуры и столь же мохнатые башмаки, с рогатыми шлемами на заросших бородами мордах, аборигены бегали взад и вперед между горящих строений, вопя и размахивая мечами довольно угрожающего вида. А прямо перед обрывом, на котором стояли менты, два мохнорылых изувера хохоча тащили к кораблям полураздетую женщину.

– Либо мы оказались на съемках нового блокбастера Никиты Михалкова под названием «Без цирюльника и не в Сибири», либо наш самолет при совершении рейса Англия – Отдел внутренних дел совершил вынужденную посадку бог весть в каком времени, – меланхолично проговорил Сеня Рабинович, не отрывая взгляда от зрелища первородного буйства. – Надо бы кого-то убить.

– А что сразу Попов-то?! – возмутился Андрюша, приняв на свой счет последнюю реплику. – Вы, между прочим, сами половину ингредиентов собирали!

– Да пошел ты со своими стонами прокурора жалобить! – отмахнулся от него Жомов и, хлопнув Рабиновича по плечу, спросил: – Ну что, Сеня, пошли разомнемся?

– А оно нам надо? – Рабинович удивленно посмотрел на друга. – Что мы с этого будем иметь?

– Вот морда торгашеская! – изумился Ваня. – Вместо того чтобы, блин, собственную выгоду высчитывать, мог бы подумать о чести этого, как его?.. Ну, блин, как форму-то по-другому называют?

– Мундир, – оторопело ответил Сеня, не ожидавший от Жомова столь возвышенных мотивов.

– Вот именно! О чести мундира нужно думать, – рявкнул Жомов, от нетерпения притоптывая на месте. – Мы, может быть, вообще единственные менты на сотню километров. Так кто тут тогда за порядком следить будет? А то посмотри, как гопота распоясалась! Совсем страх потеряли.

– Дорогой ты мой омоновец, ты zenки-то разуй! – возмутился Рабинович. – Тут тебе не митинг протеста, а война идет. И вообще, мы не у себя дома. Тут совсем другие обстоятельства.

– И еще нужно напомнить вам, господа, – встрял в дискуссию отогревшийся Горыныч, – что, поскольку вы еще не вернулись домой, судьба вашего мира висит на волоске. Если хоть один из вас погибнет...

– Слышали мы все это уже сто раз. Так что помолчи, лампа паяльная! – оборвал его Жомов. – Раз уж я сегодня на дежурство в отдел не попаду, так хоть тут оторваться не мешайте. Ну, душа истосковалась! – Ваня достал из кобуры пистолет и швырнул его оторопевшему Попову. – Держи. Прикроешь, если что. – И, больше не обращая ни на кого внимания, бросился вниз по склону.

Рабинович несколько секунд растерянно смотрел вслед этому озверевшему защитнику правопорядка, не зная, что предпринять, но когда к своему вящему изумлению увидел, что я с громким лаем помчался на замшелых аборигенов впереди доблестного омонольца, устремился следом за нами. Осиротевшему Попову ничего не оставалось, кроме как бросить на камни Ванин бушлат с завернутым в него карманным драконом и последовать примеру друзей.

Два волосатых диплодока, увидев невесту откуда взявшихся людей в диковинных нарядах, на секунду оторопели. Ближний к Жомову здоровый рыжий детина даже снял с головы шлем и почесал маковку, пытаясь понять, что за звери такие на него нападают. Эх, если бы он знал, что за звери менты, то бросился бы бежать без оглядки. Однако такие чудища аборигену были неведомы, и он, стукнув себя в грудь правой рукой с зажатым в ней мечом (из-за чего срезал изрядный кусок бороды!), нечленораздельно замычал и, отпустив дамочку в неглиже, бросился навстречу омовцу.

Рыжий идиот, видимо, решил, что может одной левой разделаться с российским ментом, вооруженным всего-навсего резиновой дубинкой. Он взмахнул над головой огромным двуручным мечом и решил обрушить его сверху, перерубив пополам вмешавшегося в его сексуальные домогательства Жомова. Однако не тут-то было! Ваня стремительно нырнул под руку дикарю и, проведя классический бросок через бедро (чем непременно в другое время заслужил бы одобрение от президента!), приложился рукояткой дубинки к окованному стальными обручами кожаному шлему самонадеянного нахала.

Дубинка сработала именно так, как от нее и ожидали! То есть произвела на местную сталь тот же эффект, что и на доспехи рыцарей в средневековой Англии. От удара неимоверной силы закованную в стальные обручи голову насильника вогнало в прибрежный песок почти на полметра, отчего ее хозяин оказался вертикально воткнутым в грунт подобно заправской свае. Жомов презрительно фыркнул и, выдернув рыжего за ноги, небрежно бросил на землю.

– Лежать, бояться! – скомандовал он. – Раздвинь ноги, урод. Руки за голову и не шевелиться.

Однако побывавший в песке варвар оказался глух к инструкциям омовца. Он как лежал распластанным на грунте, так и не пошевелился. Зато пошевелился его более тщедушный приятель, который, судя по всему, относился к тем людям, что учатся только на своих ошибках. Ему бы бежать подальше сломя голову, ноги, руки, позвоночник, поскольку, если бы это принялся делать Ваня, получилось бы намного больнее. Однако вместо этого завернутый в вонючие шкуры псих подскочил к Жомову сзади и что есть силы саданул окованной медью дубинкой по затылку омовца. Ваня медленно развернулся.

– Вот это, ни хрена себе, уважение к власти, – зло прокомментировал поступок неразумного наглеца омовец. – Ты совсем оборзел, урод? Быдло поганое! Ну, сейчас огребешь на всю катушку, чмо педальное.

Ни секунды не мешкая, Ваня принялся выполнять свое обещание. В первую очередь ударом милицейской дубинки он выбил оружие из рук ошеломленного варвара, а затем заехал ему кулаком в ухо. Бородатый абориген пошатнулся, но удар выдержал, на удивление Ивана. Уж лучше бы ему было сразу упасть! Озверевший от такого непочтения к собственному труду, Жомов схватил полуоглушенного варвара в охапку и, подняв над головой, бросил на песок. Совсем растерявшийся экс-насильник решил прикинуться змеей и уползти от разгневанного омовца. И неизвестно, удалось бы ему это или нет, кабы не подоспели Рабинович с Поповым. Сеня для начала обогнал Жомова и дал пинка аборигену, видимо, для увеличения скорости передвижения оного, а затем оттолкнул назад Ивана.

– Превышение должностных полномочий и необоснованное применение силовых воздействий при задержании, – с трудом переводя дух, проговорил Сеня. – Статья не помню какая, но дадут тебе по ней немало.

– Ни хрена себе, «необоснованное»! – возмутился Жомов, все еще пытаясь добраться до бородатого изверга. – Да он меня дубьем своим по чайнику так шандарахнул, что у меня птички в глазах заплясали...

– Были бы мозги, наверное, в тазобедренный сустав бы ссыпались, – перебил его Рабинович и повернулся к девушке: – Вы в порядке, мадемуазель?

Измученная появлением странных людей не меньше, чем ее недавние мучители, девушка потеряла дар речи и смогла только кивнуть головой. Сеня, пристально осмотрев ее с ног до головы, пришел к выводу, что данная особа совсем не в его вкусе. Однако на рыцарский жест все же решился.

– Вы простудитесь, мисс, – сокрушенно покачав головой, проговорил он и, стянув с ошопевшего Попова его форменную куртку, накинул ее на плечи девушки. – Вот так-то лучше!

Андрюша от такой наглости на несколько секунд не только, подобно «мисс Доисторическая Деревня», потерял дар речи, а также способность к движению, возможности к аналитическому мышлению, навыки криминалиста и забыл таблицу умножения. Через пару мгновений придя в себя, он сделал вокруг дамочки несколько танцевальных па, пытаясь то ли выразить восторг поступком Рабиновича, то ли содрать с аборигенки казенное имущество, а затем, обреченно махнув рукой, бросился вдогонку за двумя друзьями, с ходу ворвавшимися в разоренную деревню.

В общем и целом внутри поселения дикарей творился тот же самый беспредел, что и на ее окраине. Мелкие разрозненные группы лохматых варваров тащили по грязным улочкам тюки с награбленным добром, конвоировали в сторону гавани визжащих женщин и с огромным удовольствием запаливали немногие уцелевшие дома. Из-за собственного эгоизма трое доблестных сотрудников милиции решили помешать этому феерическому карнавалу. Они били мародеров, отшибали почки у грабителей и выкручивали поджигателям руки. А я довершал разгром врагов, избирательно выкусывая у некоторых филейные части исключительно из человеколюбивых побуждений, дабы более доходчиво объяснить дикарям, что нужно быстренько делать ноги! В общем, оторвались друзья на всю катушку. Даже Андрюша временно позабыл про экспроприированную Сеней куртку и размахивал над головой дубинкой, будто поп кадиллом во время крестного хода.

Впрочем, троем ментам в компании со мной даже особо напрягаться не пришлось. Варваров в пределах почти до конца разоренной деревни оказалось на удивление мало. Трое друзей, видевшие еще несколько минут назад с вершины обрыва довольно внушительную толпу дикарей, метавшихся между домов, словно бабки-торговки пирожками, спасающиеся от наряда милиции, были несказанно удивлены внезапным безлюдьем. Впрочем, расстраивало это обстоятельство одного лишь Жомова, пропитавшегося воинственно-омоновскими настроениями. Остальные, напротив, ничуть не тяготились отсутствием лохматой орды. А Андрюша Попов даже попытался поджарить в пламени горящей избы кусок жирного бекона.

– Совсем помешался на жратве, – покрутил пальцем у виска Сеня, глядя на исходящего слюной криминалиста. – Я вот все думаю, Андрей, как ты при таком аппетите до сих пор своих рыбок аквариумных не сожрал?

– Очень остроумно, – огрызнулся Попов. – Ты, Сеня, с каждым днем все больше и больше проявляешь свой истинный уровень интеллекта. Сенека в ментовской шкуре! И вообще, не трогай рыбок. Это святое.

– Да куда же они все подевались? – растерянно пробормотал Жомов, имея в виду отнюдь не Андрюшиных рыбок. Однако Рабинович не был бы самим собой, если бы не сострил.

– Как «куда подевались»? – поинтересовался он, обеспокоенно заглядывая Жомову в лицо. – Как сидели в аквариуме, так и сидят. Если их, конечно, Андрюшина мама коту не отдала или сама не слопала.

– Ты чего мелешь? Откуда здесь Андрюхина мама? – удивился Иван и тут же сообразил, куда ветер дует. – Слушай, Рабинович, достал ты уже со своими приколами. В натуре, доведешь ты меня когда-нибудь до состояния экстаза.

После этой реплики Рабинович с Поповым разразились просто диким, в соответствии с окружающим пейзажем, хохотом. Сеня сложился пополам, пытаясь себе представить тот способ, каким он будет доводить Жомова до экстаза, а Попов и вовсе выронил в грязь палку с

кусом ветчины, которую пытался поджарить на большом (в прямом смысле этого слова!) огне. Впрочем, эта утрата большого значения не имела. Кулинарный процесс все равно пришлось бы отложить, так как Андриюшиным хохотом задуло пламя на ближайших бревнах.

– Придурки, – обиделся на друзей Иван и отвесил Попову такую оплеуху, что тот поперхнулся смехом.

– Нормально, – проговорил он, разгибаясь. – Значит, прикалывается Рабинович, а тумачи мне достаются? Ментяра ты поганый, Ваня, после этого.

– От ментяры и слышу, – буркнул Жомов и тут же замер, услышав, как я бешено лаю с той стороны села, где на холме возвышалась еще не успевшая сгореть местная примитивная крепость.

– А ну-ка за мной! – скомандовал Иван и помчался на мой призыв.

Сеню дважды просить не пришлось – в нем пробудились отцовские чувства. Только от одной мысли о том, что его любимцу какие-то доисторические уроды могут нанести телесные повреждения, Рабинович пришел в такую ярость, что в конце короткого забега обошел рвущегося в бой Жомова на два корпуса. Любой спринтер бы позавидовал!

Зрелище, представшее перед ними, могло бы разгневать кого угодно, будь он хоть невозмутимым тибетским ламой. Представьте, четверо бородатых придурков, окружив пса, тыкали в меня пиками, а я мужественно уворачивался от ударов, успевая попутно цапнуть кого-нибудь из бандитов за руку. Увидев это, Жомов с Рабиновичем настолько озверели, что даже не обратили внимания на то, что происходит вокруг.

– Ни хрена себе, местные наших бьют?! – возмутился Жомов и, размахивая дубинкой, бросился на супостатов. – Ну, держитесь. Сейчас крышки по округе летать начнут, в натуре!

Однако Сеня вновь опередил его и первым врезался в непочтительных аборигенов. Несколько ударов «демократизатором» по излишне разгоряченным головам – и подбежавшему Жомову оставалось только развести руками с досады. В этот раз, Ваня, ты не успел! Но долго горевать омовцу не пришлось, потому как я, поймавший кураж, вновь яростно зарычал и рванулся вперед с такой силой, что вцепившегося в мой ошейник Рабиновича протащило пару метров по земле. Даже борозда осталась, хоть картошку сажай! Сеня, сумев все же затормозить, удивленно присвистнул.

– Ваня, похоже, в этот раз мы крупно попали, – проговорил Рабинович.

Жомов обернулся. Прямо за его спиной, угрожающе скаля зубы, толпилось все варварское воинство общим количеством более сотни голов крупного, мелкого и среднего рогатобородатого скота. Причем часть этих уродов была вооружена луками. Видимо, аборигены, вволю натешившись во вражеской деревне, решили взять штурмом замок местного феодала и даже приступили к осуществлению своего коварного плана, однако вмешательство в битву российских ментов в корне изменило их намерения. И теперь воинственно настроенные варвары желали сделать из Рабиновича с Жомовым что-то вроде мясного рагу.

Ваня, конечно, был парнем не робкого десятка и несравненного безрассудства. Он и один в омовской форме не побоялся бы выйти против всего этого сброда гопников, однако наличие у противника дальнобойного оружия при отсутствии у Жомова элементарного средства предохранения в виде бронежилета заставило и его умерить пыл. Что до Рабиновича, то Сеня и вовсе озадаченно озирался по сторонам, высматривая Попова с табельным пистолетом.

Андриюша не заставил себя долго ждать. Покрасневший и запыхавшийся, он выскочил к друзьям из ближайшего проулка и тут же застыл, узрев перед собой сборную команду по регби в пещерном варианте. Впрочем, замешательство Попова длилось недолго. С присущей ему изобретательностью, Андрей выхватил из кармана жомовский табельный пистолет и поднял его над головой.

– Остановитесь, дети порока и безумства! – во всю мощь своих легких завопил он. Аборигены действительно замерли. Хотя скорее всего причиной этого был поповский рев, а не его грозный вид. Но Андрея это не волновало, и он продолжил представление.

– Предлагаю немедленно сдаться и бросить оружие, – продолжал вопить он, мастерски переходя из одного образа в другой. – Вы под прицелом снайперов, и мне приказано никого живыми не брать. Поэтому при продолжении сопротивления я всех поражу громом небесным...

И поразил! Правда, не всех, а только Жомова с Рабиновичем, когда при попытке Андрюши сделать предупредительный выстрел в воздух пистолет дал осечку. Затем еще одну. И еще! Попов, не веря в происходящее, рассеянно повертел пистолет в руках и даже заглянул в ствол. Аборигены же, на миг поверившие в возможность умереть от грома, увидев эти растерянные манипуляции толстяка, издевательски загоготали и не спеша расступились в стороны, открывая лучникам сектора обстрела.

– Эх, не было печали, да черти накачали! – горестно вздохнул Андрюша, глядя на облевившийся пистолет, и тут же раззявил от удивления рот.

Прямо перед толпой дикарей, готовившихся наброситься всем стадом на троих ментов, вдруг из ниоткуда появились два огромных трехметровых зеленых беса и, без лишних разговоров сцапав ближайшего любителя медвежьих шкур, принялись накачивать его водкой «Абсолют». Тот первое время, булькая, пытался отплеиваться, а затем во всю глотку проорал абсолютно пьяным голосом первые строчки разудалой песни норвежских разбойников «Из-за острова на стрежень» и замертво свалился на засыпанную пеплом землю. Бесы переглянулись и, удовлетворенно кивнув головой, схватили следующего дебошира.

Все остальное варварское войско в изумлении застыло. Если бы здесь был хоть какой-нибудь завалившийся Васнецов, то получился бы идеальный групповой портрет под названием «Возвращение мужа из командировки...». Однако куда более изумленной оказалась физиономия Жомова. Первые несколько секунд, созерцая это безобразие, он лишь раскрывал и закрывал рот, словно корова перед стогом сена, а затем завопил:

– Вы что, козлы рогатые, охренели совсем? Такую вещь на этих придурков переводите? А ну, марш отсюда к чертовой матери! И посмейте только водку с собой забрать.

Два зеленых беса-переростка удивленно переглянулись, а затем вопросительно посмотрели на Попова. Тот почему-то понял их правильно и неожиданно для себя самого, выхватив из запячного мешка серебряный крест, замахнулся им на покорно ждавших указаний демонов. А Рабинович, вцепившись обеими руками в отвалившуюся челюсть, с удивлением выслушал дальнейшее напутствие Андрюши.

– Идите с богом, дети мои, – с выпученными глазами пролопотал Попов. – Делайте, что он говорит. – И вдруг, придя в себя, заорал: – Пошли на хрен, недоумки!

Бесы снова удивленно переглянулись, а затем с истинно армейской точностью выполнили приказ Попова. То есть наступили ногами на мужское достоинство опоенного ранее аборигена. Тот в одну секунду протрезвел и заорал от боли так, что позавидовала бы любая автосигнализация. Андрюша от такого оборота событий и вовсе растерялся. Он растерянно оглянулся по сторонам, как бы спрашивая совета у друзей. Однако Ваня Жомов только озверело сгибал и разгибал дубинку в руке, с садистской ухмылкой глядя на двух посланников ада, не желавших расставаться с водкой, а Сеня Рабинович лишь развел руками. Дескать, предупреждал я тебя следить за своими базарами? Вот теперь сам и выпутывайся. Попов сплюнул и повернулся к бесам, до сих пор с остервенением выполнявшим его последнее приказание.

– Мужики, вы почто животинку тираните? Отпустите, ему же больно, – ласково проговорил Андрюша, однако зеленые садисты его просьбу проигнорировали. И тут Попов вдруг выпалил ни с того ни с сего, окончательно ошарашив и без того изумленного Сенью.

– В тихом омуте черти водятся! – завопил он так, что половина стоявших перед ним аборигенов покатались с ног, сбитые взрывной волной. А два трехметровых беса, переглянувшись в очередной раз, бросились бегом к ближайшей речке и со всего маху плюхнулись в воду. Несколько секунд их спины с невысоким гребнем вдоль позвоночника еще торчали над мелководьем, а затем будто растаяли в воздухе.

– Ну вот, доброе дело Андрюша сделал, – прокомментировал ситуацию Рабинович. – Теперь местные бабы ему спасибо скажут, когда пойдут на речку белье полоскать и увидят на дне отвратные зеленые рожи. Интересно, Андрюша, как ты думаешь, долго после такого подарка эта деревня тут простоит?

Попов окрысился, готовя сольную тираду в ответ на такое бессовестное обвинение, но ответить не успел: именно в этот момент над головами все еще пребывавшей в оцепенении варварской хоккейной дружины появился пикирующий бомбардировщик в лице (а точнее, в трех лицах!) Горыныча. Прибывший к шапочному разбору огнедышащий птеродактиль, пытаясь оценить ситуацию, на несколько секунд застыл на месте, отчаянно размахивая крыльями, а затем решил пройтись над головами аборигенов, будто «фантом» над позицией талибов.

Его появление для несчастных бородачей оказалось откровенным перебором, и весь доисторический штурмовой отряд, подняв дикий вой, бросился к пирсу, словно стадо ошалевших от иприта бизонов. Я, конечно, взял на себя почетную миссию проводить гостей до порога и успокоился только тогда, когда последний из варваров забрался в деревянные ковши-перестрочки, которые совсем недавно Попов обозвал «дракарами».

– Ты, как всегда, вовремя, – язвительно похвалил Ахтармерза Рабинович, провозжая взглядом улепетывающего с поля боя противника. – Мурзик, ко мне!

А пошел ты... котов гладить, альфа-лидер хренов! Между прочим, у меня тоже азарт проснулся, а все азартные существа глухи к голосу разума. Тем более твоего!..

– А я, господа, между прочим, не прохлаждался, – возмутился на Сенины слова Ахтармерз. – Вы меня бросили, не удосужившись подготовить к предстоящей операции. И мне пришлось самому вспоминать все оскорбления, которые вы нанесли моему чувствительному самолюбию за время нашего знакомства.

– Это еще на хрена? – удивленно поинтересовался Жомов, прижимая к груди оставленную бесами полупустую литровую бутылку «Абсолюта».

– Чтобы форму набрать, – шмыгнул всеми тремя носами Горыныч и стремительно начал уменьшаться в размерах. – Ну вот, опять переохладился!..

– Интересно, во что нам обойдется пошив костюмчика для этого летающего термометра? – пробормотал себе под нос Рабинович, с тяжелым вздохом заворачивая дракона в собственную кожаную куртку, а затем повернулся в сторону пирса. – Мурзик, ко мне, я сказал!

Дракары варваров, беспорядочно махая веслами, уже улепетывали в даль от берега во всю прыть, поэтому я посчитал свою миссию выполненной и не торопясь отреагировал на зов хозяина, то есть направился к Рабиновичу ленивой трусцой, призванной, видимо, изображать спринтерский бег после разгрузки вагона с мукой. Я даже для убедительности вывалил из пасти бордовый язык, но, старательно изображая усталость, не забывал по дороге обнюхивать все подозрительные места. Нужно же, мол, кому-то провести разведку, пока другие прохлаждаются. А то, кто его знает, что нас тут за напасти поджидать могут!

Тем временем ворота осажденной цитадели распахнулись, и из них навстречу спасателям в милицейской форме выбралась разношерстная толпа местного населения, мало чем отличавшаяся от разогнанной недавно друзьями банды мародеров. Пожалуй, главной и единственной разницей между осажденными и осаждавшими было наличие в рядах первых женщин всех размеров и мастей, а также всклоченных ребятишек. А возглавлял процессию седоволосый великан, запакованный в кожу с ног до головы, будто рокер на концерте «Арии». Не дойдя нескольких шагов до застывших в выжидательной позе друзей, предводитель местного дво-

рянства и отец окружной демократии вдруг бухнулся на колени. За ним в грязь повалился и весь разношерстный эскорт.

– Ой, смилуйтесь, баре милостливые, бояре сердешные! Не губите вы нас, дурней безродных! – завопил великан и, получив подзатыльник от какой-то старухи, пристроившейся у него за кормой, прокашлялся. – Именем Одина заклинаю я вас, ворлоки Муспелльсхейма, не губите остатки моего селения, и без того разоренного разбойниками Эрика Рыжего!..

Глава 3

Похоже, трое доблестных сотрудников российской милиции постепенно теряют способность удивляться. Да и немудрено, поскольку после двух перелетов во времени и пространстве даже такой конченный идиот, как наш начальник отдела, стал бы воспринимать как должное даже внезапное назначение его министром обороны. А уж мои боевые товарищи и вовсе смотрели на аборигенов, как обожравшиеся коты на пробежавших мимо мышей, и делали вид, что всю жизнь только тем и занимались, что принимали королевские почести.

Я тихо сидел в сторонке и наблюдал за разношерстной толпой оборванцев, вывалившихся из-за стен жалкого подобия английских замков. Собственно говоря, их внешность и манеры меня волновали мало. А наблюдал я за варварами с одной-единственной целью – попытаться просчитать, сколько на каждом из них находится блох, и выбрать тот объект, от которого мне следует держаться на максимально далеком расстоянии.

Средство защиты от этих наглых паразитов у меня, конечно, было. Этакий антиблошинный дезодорант в лице Горыныча, от одного дыхания которого не только блохи мрут, но и любой токсикоман может получить столь незабываемые ощущения, что о дихлофосе и «моменте» даже думать забудет. Однако мне почему-то не хотелось несколько дней вонять, как приличное торфяное болото. Но от одной только мысли о том, что эти маленькие, наглые, кусачие твари будут ползать у меня по морде и залезать в уши, я готов был впасть в настоящую панику. Примерно в такую же, какую устраивают некоторые человеческие самочки при виде безобидных мышей. А что, у каждого свои слабости имеются!..

В общем, наблюдая за приближением делегации закутанных в шкуры питекантропов, я весь напрягся, готовый дать отпор любому немытому варвару, желающему приблизиться ко мне на расстояние вытянутой руки. Пытаться им рассказать о своей неприязни было бесполезно, поскольку я сильно сомневался, что эти ходячие притоны паразитов понимают хотя бы человеческую речь. Поэтому мне ничего другого и не оставалось, как оскалить зубы и прижать уши к голове, всем своим видом показывая крайнюю степень неприязни к нашим новым знакомым. Видимо, это мне удалось, поскольку делегация спасенных человекообразных обезьян старалась держаться от меня подальше.

Через некоторое время после падения аборигенов в грязь, отбивания поклонов и пространной тирады седовласого вождя, почти не уступавшего ростом Жомову, в окрестностях наступила относительная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящих домов, негромким шумом прибоя да карканьем воронья, слетевшегося, как это водится во все времена, на праздник, подобный недавнему карнавалу в деревне. Андрюша Попов подозрительно посмотрел на небо, видимо, решив произнести давний заговор от сглаза, типа «каркай на свою шею», но мой Сеня разгадал этот коварный замысел. Помня о том, что может произойти после неосторожных высказываний криминалиста, он без зазрения совести врезал Попову носком ботинка по лодыжке. И правильно сделал! Иначе я сам бы говорливого Андрюшу за что-нибудь укусил. Желательно за язык!

– Ты что, рожа еврейская, охренел совсем? – возмутился Попов, который еще мог безропотно терпеть тычки от гориллы Жомова, но подобное отношение к себе со стороны остальных считал сущим непотребством.

– Рот держи закрытым, крестоносец хренов, – едва слышно прошипел в ответ Сеня, а Жомов показал обоим кулак.

Седовласый орангутанг в рокерском прикиде слов Рабиновича не слышал. Зато хорошо разобрал то, что сказал Попов. С выражением полной и абсолютной, как космический вакуум, тупости на лице он воззрился на побагровевшего от обиды Андрюшу и трясущимися губами произнес:

– Не ведаю я, о чем молвишь ты, о величайший из ворлоков Муспелльсхейма, однако тон твоей речи говорит о страшном для простых смертных гневе. Не ведаю я, чем мог оскорбить тебя, величайший из сынов Аска и Эмблы, и все же не посчитаю за позор просить у тебя прощения. Сменишь ли ты свой гнев на милость?

– Угу, сменю, – сердито буркнул Попов и прищурившись посмотрел на Сеню. – Только если еще какая-нибудь сволочь попытается на меня наехать, пусть на помощь моего могущества не рассчитывает!

Рабинович лишь развел руками и, паясничая, поклонился в знак полной покорности с решением Его Наисвятейшества. Впрочем, не знаю, как мои спутники, но лично я уже давно догадался, куда именно мы попали. Судя по окружающему пейзажу, внешнему виду аборигенов и разговорам их вождя, мы находились на территории древней Скандинавии. Причем, очень древней! В какой именно из многочисленных стран викингов, определить на глазок я не мог, поскольку никогда особо не разбирался в этом разделе истории. Однако даже безмозглему мопсу было бы ясно, что о христианстве здесь и не слышали... Впрочем, наверное, насчет мопса я погорячился.

Так или иначе, но выходило, что всех своих святейших титулов Андрюша Попов лишился по отбытии из туманного Альбиона. Хотя тут же успел получить новый сан ворлока. Что, даже если судить по моим не слишком обширным лингвистическим познаниям, переводится на нормальный русский язык как «колдун». Лично я сомневался, что у викингов личности подобной профессии были в большом почете, однако Андрюшу, видимо, такое положение дел вполне устраивало. Но не устраивало оно Жомова.

– Так, мужики, если вам по приколу слушать этого идиота, то лично меня он достал, – проговорил Ваня и, зажав вожаемую бутылку с водкой под мышкой, принялся постукивать сжатым кулаком по раскрытой ладони.

Ох, недобрый это знак! Я внутренне сжался, пытаясь представить размер урона, который готовится нанести местным бестолочам разгневанный омоновец, которому никак не дают возможности промочить горло дозой приличной выпивки. Думаю, парой синяков тут бы не обошлось! Однако не один я оказался таким умным.

– И что тебя теперь не устраивает, доблесть ты милицейская, непоруганная? – елеинным голосом поинтересовался Сеня у Жомова.

– Выпить хочу! – рявкнул Иван. – А этот идиот тут на дороге валяется и еще мою мать какой-то мупсе.. мупспсе... Тьфу ты, язык переломаешь, в натуре! В общем, хрен знает кем моих родителей обзывает!

– С чего это ты так решил? – оторопел Рабинович.

– Сеня, прочисть уши, – проговорил Жомов и почему-то постучал пальцем по виску (может, просто промахнулся?). – Ты что, не слышал, что он нас этими самыми сынами мудсельными обозвал. Или пусть выражается по-русски, или я ему просто так грызлице на сто восемьдесят градусов поверну.

– Уймись, Ванюша, – встрял в разговор Попов. – Сыны Муспелльсхейма – это не оскорбление. Насколько я помню, так называется один из девяти миров из скандинавской мифологии. Не могу сказать точно, кто там живет, но нас именно за его обитателей и приняли.

– Чего? – удивленно воскликнули Жомов с Рабиновичем, поворачиваясь к криминалисту.

– Книжки читать нужно, – скромно потупив очи долу, буркнул Андрюша. – Быдло необразованное.

Оказывается, с выводами я поторопился. Могут еще мои менты удивляться. Да и я, честно говоря, оказался в некоторой прострации. До сих пор я считал уровень развития Андрюши остановившимся примерно на дистанции в три класса церковно-приходской школы и никак не мог ожидать с его стороны такого проявления знания скандинавской мифоло-

гии. Впрочем, я быстро успокоился, поскольку именно в той школе, где учился маленький Андрюша, сказки викингов могли быть основным предметом. А я знал истории и более удивительные.

Как-то раз оперативники из нашего отдела решили самостоятельно провести операцию против одного мужика, которого подозревали в торговле наркотиками. Ну, как водится у оперов, разработали гениальный план, согласно которому в контакт с подозреваемым должен был войти один из сотрудников отдела и продать наркодилеру партию кокаина весом так лет в пятнадцать-семнадцать.

Ну, вы сами понимаете, что обычно такими делами ФСБ или особый отдел МВД занимается. Но тут наши местные опера решили погеройствовать и показать всему городу, что и они не лыком, а лампасами шиты. Поймали одного наркомана, устроили ему ломку и под расписку о невыезде вынудили идти устанавливать контакт с интересующим их торговцем. Уж не знаю, то ли наркоман оперативникам попался вольтанутый, то ли опера новую форму подписки о невыезде изобрели, вроде заминированного ошейника с дистанционным управлением, однако их новоявленный агент никуда не сбежал и исправно выполнил задание, предложив подозреваемому купить приличную партию дешевого «снега».

В загашнике одного из следаков, среди прочих вещдоков, валялись несколько пакетиков с кокаином и тальком, изъятые во время недавней облавы в одном из притонов. Как потом оказалось, новоявленные остапы бендеры из этой «малины» кокаин припасали для себя, а тальк продавали наивным идиотам из студенческого общежития. Уж не знаю, как им это удавалось, но лично я не отказался бы посмотреть, как тех студентов плющило и колбасило от талька. Интересно, многие из них побывали с официальным визитом в реанимации?

Но вернемся к нашим баранам, то бишь операм. Хотя лично я большой разницы и не вижу! Тот самый следак, что вел дело о притоне, опись вещдоков еще составить не успел, экспертизу не делал и предложил операм самим выбрать из общей кучи пакетики с героином. Ну, один знаток и выбрал. Уж не знаю, что у них там во время операции случилось – молчали все, как будто языки им поотрезали, – но в отдел их вернули ребята из ФСБ, которые наркодилера, оказывается, давно пасли. А тот орел, что в доказательство качества кокаина во время предполагаемой сделки решил его понюхать, вместо отдела направился в больницу с торчащей из носа трубкой. Видимо, тальк хороший оказался, и после неосторожного вдоха ноздри намертво прилипли к трубке, и она попросту отказалась выскользнуть из носа.

Впрочем, это были дела давно прошедших дней. И хотя воспоминания об этом случае вызвали во мне такую ностальгию, что я готов был позволить себя погладить даже тому самому дежурному, который обидел меня перед нашим перелетом в Англию, глаз с рассадника блох я не спускал.

Пока между моими ментами шел оживленный диспут по поводу смысла выражений седовласого викинга, все его племя так и не поднялось с колен, покорно ожидая решения своей участи со стороны вызывателей демонов и обладателей раскладного дракона. И решение за всю компанию безапелляционным тоном озвучил почетный Разгонщик Демонстраций и главный Усмиритель Дебоширов этого мира Ваня Жомов.

– Хватит валяться в грязи, блин, в натуре! – рявкнул он, обращаясь к смирному стаду аборигенов. – Быстро покажите нам какое-нибудь место, где можно спокойно выпить.

Понять стремление Вани, у которого дог знает сколько столетий ни грамма алкоголя во рту не было, приложиться к вожаденной бутылке мог бы и щенок бультерьера, однако мой Сеня проявил завидный практицизм. Остановив окриком бросившихся выполнять просьбу Жомова аборигенов, Сеня в истинном сержантско-казарменном стиле приказал варварам отыскать Ванин бушлат, который остался на вершине обрыва, и ту дамочку, которой была на

время презентована куртка Попова, за что и получил от незлопамятного Андрюши благодарственный взгляд.

– Ну а теперь можно идти, – благосклонно разрешил Сеня, увидев, что несколько юнцов со всех ног бросились выполнять его приказания, а затем Рабинович вспомнил обо мне. – Мурзик, ко мне. Рядом.

Угу, разбежался!.. Вы не подумайте, что я брюзга какой-нибудь, но попробуйте хоть один день в жизни вытерпеть человека, который общается с вами только приказным тоном. Я, конечно, понимаю, что вы на работу ходите, и кто-нибудь из вашего начальства только таким образом и разговаривает с вами, но это не совсем то! Во-первых, вы своего босса не круглые сутки видите и после работы всегда отдушину для выхода пара сможете найти. А во-вторых, вы всегда можете начальству доходчиво объяснить свою точку зрения на его родословную, протиснуться по умственным способностям шефа, а затем послать его в район Колымы, не дав с собой даже хлеба в дорогу.

Я этих привилегий лишен. И потому, что Сеню надолго оставить одного не могу, так как без меня этот несчастный непременно в какую-нибудь неприятность вляпается, и оттого, что мой хозяин нормального языка не понимает. А лаять на него бесполезно. Услышишь в ответ пресловутое «фу». В лучшем случае поинтересуется Рабинович, не оборзел ли я. И на этом все мое выражение недовольства заканчивается. Вот поэтому я и позволяю себе изредка делать вид, что игнорирую его команды. Пусть не забывает, что я тоже личность!

Впрочем, в этот раз мне идти рядом с Сеней все же пришлось. Всю троицу в качестве почетных гостей и спасителей отечества поставили во главе разношерстной процессии. Впереди шествовал лишь один местный феодал, да и тот поминутно оборачивался, делая рукой широкие жесты в направлении требуемого курса движения. Вся остальная братия пристроилась в хвост, и мне быстренько пришлось перебраться поближе к Сене, чтобы сохранить между собой и заведомо блохастыми аборигенами надлежащее расстояние. Вот в такой последовательности – впереди главный местный феодал, за ним троица ментов с Горынычем в куртке и под моим конвоем, а позади все остальное население полуразграбленной дыры – мы и вошли в тот коровник, который в этом времени считался, видимо, роскошным дворцом.

Я огляделся по сторонам и брезгливо фыркнул. Это местечко после относительного комфорта Британии выглядело столь же убого, как гэлгледский кабак по сравнению с банкетным залом «Метрополя». Правда, лачуга была довольно велика по размерам, но на этом ее достоинства и заканчивались.

Входом в жилище местного феодала служило некое подобие деревенского предбанника с очень низкой дверью. В доисторический банкетный зал дверь отсутствовала, зато ее с успехом заменяли мохнатые огромные шкуры. Я ничуть не сомневался, что тепло эти штуковины хорошо сохраняют, но зато воняли они так, что я чихнул раз десять кряду и, опасаясь возможной высадки десанта блох на мою холеную спину, прошмыгнул под шкурами в зал прямо между ног у Рабиновича. Сеня едва не свалился и уже собрался было рывкнуть на меня, однако в этот раз от проявления эмоций воздержался.

– Ты смотри, как у меня пса к первобытному образу жизни тянет, – проговорил Рабинович, обращаясь к Жомову. – Все-таки животные ближе к своим истокам, чем люди. Мне бы сейчас горячую ванну, мягкий диван и широкоэкранный телевизор, а Мурзика и тут, похоже, нравится. Как вернемся, нужно будет для него в спальне такой же уголок сделать. Со шкурами, соломой и обглоданными костями. Этаким собачий террариум.

Только попробуй, Сеня!..

– Да-а, инстинкты сильная вещь, – не слушая меня, согласился Ваня. – Меня вот тоже как потянет кому-нибудь морду бить, так ничего поделать с собой не могу. Наверное, у меня предки кулачными бойцами или боксерами были.

Именно боксерами, Ванечка. Только четырехлапыми и с хвостами. Именно от них ты и рожу, и интеллект унаследовал! Все, не могу больше с ними. Что ни сделаешь, они тут же возьмут и перевернут. Ну, скажите на милость, разве я мог подумать, что мое стремление быстрее проскочить под вонюче-блохастыми шкурами будет истолковано таким вульгарным образом? Кстати, если мне Сеня действительно дома угол с соломой и шкурами придумает сделать, то в первое же утро сам проснется на этой соломе и в шкурах! Кости, впрочем, может оставить. Когда это нормальная собака от костей отказывалась?

Однако времени на споры с ментами у меня не было. Поэтому, рыкнув на двух знатоков тонкостей собачьей души, я обежал зал по периметру, выискивая возможные рассадники паразитов и прочие злачные места. На мое удивление таковых здесь не оказалось, даже несмотря на то что пол внутри забегаловки был земляной, плотно утопанный и покрытый почерневшей от грязи соломой. Впрочем, последнее упущение тут же принялись исправлять какие-то чумазные карлики, в которых я с трудом опознал местных детишек.

Пока они заменяли старую солому на чистую, я продолжил осмотр временно вверенных мне владений. Посреди довольно просторного зала возвышался круглый очаг, сложенный из неотесанных камней, внутри которого жарко горели крупные поленья. Окон в зале не было, и их безуспешно пыталась заменить дыра в потолке, которая, кроме освещения комнаты, служила еще и дымоходом. В круге тусклого света, падающего из нее, буквой «п» стояли несколько деревянных столов, в свою очередь взятых в осаду скамейками. Все каменные стены были завешены все теми же шкурами, за исключением дальней, облицованной черным деревом. Видимо, эта стена служила чем-то вроде местного иконостаса или оружейной комнаты, поскольку была снизу доверху завешана мечами и щитами всевозможных форм и размеров, не менее разнообразными луками и пучками копий. Истинно аборигенский интерьер!

Впрочем, искал я не это. По своему скудоумию я считал, что собаки во все времена были друзьями человека и в меру своих быстро развивающихся способностей пытались защитить братьев меньших от всевозможных напастей. Однако, сколько я ни принохивался, нигде не мог уловить и чего-то отдаленно напоминавшего запах моих дальних предков. Зато весь зал буквально провонял волком!

Будь я какой-нибудь расист пархатый, как сибирская лайка, давно бы начал рычать и гавкать, почуяв запах низшей расы, этих цыган собачьего мира – волков. Однако лесные хищники были мне глубоко по барабану, хоть все вместе, хоть каждая особь в отдельности. У меня своя среда обитания, у них – своя. К тому же я как-никак представитель закона. Проверять документы у лиц волчиной национальности, конечно, право имею, но вот лишать их средств передвижения путем откусывания лап могу только в экстраординарных случаях. Так что, воняет тут волком, не воняет, меня это касаться не должно. В конце концов, это право местных извращенцев – давать прописку сомнительным личностям.

Впрочем, лукавить не буду. Те пресловутые инстинкты, о которых с видом знатока талдычил Ваня Жомов, все-таки давали о себе знать, подняв у меня на загривке шерсть дыбом. Я всем своим существом, даже без применения нюха и слуха, чувствовал, что где-то рядом находится матерый волчара, и вскоре наткнулся на него.

Побелевший от времени и плесени некогда грозный лесной хищник преспокойненько лежал в углу на соломе и скалил на меня желтые клыки. Чтобы показать пенсионеру, кто теперь в доме хозяин, я слегка на него рыкнул. А волк вместо продолжения диалога вдруг взял и лизнул меня в нос!.. Тьфу ты, мерзость. Тоже мне Брежнев нашелся. Гавкнув на хищника, я отскочил в сторону, решив впредь держаться от волка подальше. Мне, со всем этим бардаком во времени, только смены сексуальной ориентации не хватало! Однако мое стремление поддержать собственное реноме вновь было истолковано «царями природы» неправильно.

– Фу, Мурзик! – завопил Рабинович, пытаясь поймать меня за ошейник. – Фу, говорю! Свои.

А хозяин этого свинарника, скрещенного с оружейной лавкой, и вовсе истолковал мое рычание неправильно. Впрочем, что с него взять?! Одно слово, пещерный организм.

– Вашему, без сомнения, благородному псу не следует бояться Фреки, – пытаюсь скрыть улыбку, проговорил он. Поскалься мне еще, рожа дикобразная! – Клянусь золотыми волосами прекрасной Сив, этот старый волк хоть и зовется прожорливым, давным-давно охотиться перестал. В основном лежит здесь в углу, хотя и исчезает иногда на несколько дней. Поэтому и вы, благородные ворлоки Муспелльсхейма, и ваш дивный пес можете не обращать на него внимания.

– Что же, спасибо за разъяснения, – проговорил Сеня, явно обиженный тем, что меня посчитали трусом. – И все же постарайтесь держать ваше животное подальше от Мурзика. Он хоть и вполне разумный, но, знаете ли, молод и иногда излишне горяч. Как бы он вашему проглоту хребет не сломал!

Ой, спасибо, Сеня! Я едва не разомлел от таких комплиментов... Наверное, именно за то, что Рабинович никому не позволяет прикалываться надо мной, я к нему так и привязан. Впрочем, тереться о его ладонь, как блудная кошка, я все равно не буду!

– Благородные ворлоки Муспелльсхейма, – вновь возопил тем временем седовласый гамадрил. – Волею Повелителя воронов моих ушей достигло прозвище вашего верного спутника. Однако ваши имена до сих пор сокрыты от спасенных вами нибелунгов. Меня здесь называют Форсет Белый. Кенинг этого королевства. Позвольте же мне узнать, как обращаться к вам.

– Во чешет, как дешевый актер с Бродвея, – буркнул себе под нос Попов. Мой Сеня только покосился на него, а затем представил друзей и себя Форсету.

– Воистину великие имена, хотя и диковинные нашему уху, – изумленно выдохнул хозяин банкета. – Будет ли мне позволительно узнать, что означает их звучание?

– Да ничего они не означают, – махнул рукой Рабинович. – Первая часть – это просто имена, а вторая – фамилии.

– А что такое фамилии? – не унимался Форсет. – Если мне, конечно, позволительно узнать смысл этого необычного и, без сомнения, колдовского слова.

– Сам ты колдовской, – вмешался в разговор Попов. – Фамилия – это просто принадлежность к какому-то роду.

– А-а, то есть имя отца?! – воскликнул окрыленный догадкой абориген. – Изумительно. И все же по-нашему они будут звучать еще более грозно!

И, не дожидаясь опровержения своей теории, местечковый феодал повернулся лицом к своим подданным. Воздев руки кверху, будто футбольный фанат на стадионе, поддерживающий «бегущую волну», Форсет завопил во весь дух, правда, куда слабее Андриюши:

– Слушайте и запоминайте, верные нибелунги, честные жители Свейннхейма, дабы запомнить до конца дней, а затем передавать потомкам своим имена ворлоков Муспелльсхейма, что своим волшебным вмешательством спасли наши жизни, обратив в позорное бегство кровожадных разбойников Эрика Рыжего. – Тут правитель варваров сделал театральный жест в сторону моих ментов и начал перечислять по порядку: – Ивар Жомовсен, Сеннинг Робинсен и Анддаль Поповсен! Простите меня за столь вольное толкование ваших благородных имен. – Последнее было сказано вполголоса и предназначалось только для ушей моих ментов.

Сделал Форсет эту сноску весьма кстати. Едва начали торжественно звучать вновь обретенные моими ментами имена, как я заметил гримасы недовольства, возникавшие в порядке строгой очередности на их лицах. Ага, получили?! Тебе лично, Сеня, это за «Мурзика»! Однако, когда Форсет представил своим подданным Андриюшу, выражения недовольства с физиономий Жомова и Рабиновича сдуло ветром, как блоху с крыши трамвая. Под громкие ликующие крики толпы, давясь от распиравшего их хохота, оба друга бросились держать

Попова, приготовившегося пасть порвать своему новому крестному. После такой хохмы я даже простил этому седому питекантропу то, что он посмел посчитать меня трусом.

Хоть и с большим трудом, но справиться с Андрюшей новоявленным Жомовсену и Робинсену удалось. А местные аборигены, видимо, не считавшие экстравагантные поступки гостей чем-то из ряда вон выходящим, принялись усаживаться за столы. Сам Форсет опустил седалище в центре стола, образующего верхнюю часть буквы «п». Слева от него расположилась та самая старая карга, что отвесила кенингу прилюдно подзатыльник перед воротами. Место справа досталось Андрюше, видимо, ввиду его исключительных колдовских способностей. Рядом с ним уселся Рабинович, что было более чем благоразумно ввиду новых обстоятельств, ну а Ваню Жомова попытались посадить рядом со старухой, чему омовец совершенно справедливо воспротивился.

– Ты, урод, сейчас сам сюда сядешь! – пригрозил какому-то местному эквиваленту мажордома Жомов и, подойдя к Рабиновичу, отпихнул в сторону бородатого жлоба, пытавшегося занять приглянувшее Ване место.

– Твой номер шесть, и ты в пролете, – успокоил Жомов ошарашенного варвара и грохнул бутылкой «Абсолюта» о стол. – Где рюмки, блин? Я сейчас слюнями весь изойду!

На некоторое время в зале наступила гнетущая тишина. Если аборигены посчитали потасовку троих ментов около стола вполне естественным занятием, то подобное нарушение Жомовым субординации явно оказалось выше их понимания. Все в зале застыли, ожидая какой-либо реакции со стороны своего босса. Застыл и я, готовясь вцепиться зубами в лодыжку первому, кто попытается наехать на моих друзей. Однако Сеня с присущим ему хитроумием тут же разрядил нервную обстановку.

– Не обижайтесь на моего соратника, нибелунги! – проговорил он, поднимаясь со своего места. – В нашей далекой стране мы приняли обет, что до конца странствий никогда не будем порознь. Ни на бранном поле, ни за пиршественным столом. И нигде не может сей доблестный муж сесть, кроме как посолонь от меня.

– По чего от тебя? – удивленно поинтересовался Жомов.

– Слева, Ванечка ты мой тормозной, слева, – перегнувшись через стол, ехидно оскалился Андрюша.

– Заткнитесь оба! – сквозь зубы цыкнул на них Рабинович. Однако их никто не слушал.

– Воистину, дивны обычаи сынов Муспелльсхейма, но не нам судить сих доблестных воинов и ворлоков, – провозгласил Форсет, вслед за Сеней поднимаясь из-за стола. – А посему пусть будет так, как желают наши спасители, и пусть никто не посмеет укорить их. Иначе будете иметь дело с моим гневом, клянусь молотом Тора! – Затем обернулся куда-то в глубь зала, к завешенному шкурами еще одному проходу. – Приведите жертвенного вепря!

То, что произошло дальше, мне даже трудно описать словами, поскольку такого кощунственного обращения с ливером я еще в жизни не видел. Даже на базарной скотобойне! Пока я высматривал из-под стола, что это за подарок нам приготовил Форсет, трое аборигенов втащили в зал огромного кабана, к тому же лохматого, как приличный сенбернар. Местный седовласый царек выбрался из-за стола и, схватив со стены подходящий нож, самолично прирезал будущее жаркое.

Впрочем, это еще понять и я, и Андрюша Попов могли. Но вот дальше начался сплошной беспредел. Аккуратно собрав кровь в золотую чашку, едва ли уступающую по роскоши Святому Граалю в котомке Жомова, Форсет выпотрошил поросенка и, вырезав сердце, легкие вместе с печенью, со словами «прими нашу жертву Один, благословя трапезу сию», зашвырнул весь ливер в очаг. Я офонарел. Не в смысле, что фонарь обделал, поскольку фонарей тут не было, а просто застыл под столом с открытой пастью, даже не попытавшись поймать на лету какой-нибудь лакомый кусок. У Андрюши тоже челюсть отвалилась до пупка, но он, нервно сглотнув

слюни, обоими руками пристроил ее на место. А Форсет, подхватив с пола миску с кровью кабана, направился к моим ментам. Я прижал уши, представляя, что за рев сейчас начнется.

Однако ничего не произошло. Подойдя к Попову Форсет Белый обмакнул палец в кровь и провел им по лбу Андрюши, оставляя там ярко-красную отметину. Попов стоически это стерпел, лишь зажмурился на секунду. Ту же экзекуцию вождь викингов проделал и с Сеней. А когда он подошел к Жомову, тот попытался воспротивиться. Впрочем, мой Сеня этого не позволил, наступив Ване на ногу.

– Терпи, идиот, – прошипел на ухо омовцу Рабинович. – Он же тебя не «ревлоном» мажет!

Ваня стерпел, хотя и было заметно, как ему хочется заехать аборигену в ухо. А Форсет, измазав и Жомова кровью свиньи, поднял чашку над головой и, застыв на несколько секунд в этой позе, провозгласил:

– Пусть отныне и до прихода времени Рогнарк на этих доблестных мужах лежит благословение Одноглазого. С этого момента мудрые ворлоки Муспелльсхейма становятся старшими братьями нибелунгов, и тому, кто попытается навредить им по злему умыслу – можно подумать, кто-то вредит для добра! – не найдется места в Вальгалле, и навеки сгинут они в царстве Нидльхейм под присмотром богопротивной Хели, дочери Сладкоголосого.

Лично я и понятия не имел, о чем конкретно говорит кенинг, но ясным было одно – нашим будущим обидчикам дорога в местный рай заказана и их ждет один из прототипов геенны огненной. Присутствующие на сборище аборигены поняли это не хуже меня. Более того, судя по одобрительному ропоту в пиршественной зале, голосовали за высказывание Форсета двумя руками. И то верно, а то недолго от изголодавшегося по выпивке Жомова по хлебалу схлопотать!

Кстати, после слова кенинга Ваня решил считать общее собрание закрытым и потянулся за серебряной рюмкой внушительных размеров, что поставила перед ним какая-то дамочка из местной obsługi. Однако Сеня бесцеремонно стукнул омовца по руке, успев еще и увернуться от второй, нацеленной прямо в ухо.

Форсет еще не закончил свой аборигенский ритуал. Он обошел стол и, встав у очага, где зря пропадал кабаньей ливер, принялся брызгать кровью во всех собравшихся. Они приняли это безропотно, низко склонив головы. Уж не знаю, прятали они свои бесстыжие морды или преклонением голов выражали дань почтения своему вождю, но мне эта часть ритуала понравилась больше всего, поскольку дала возможность прошмыгнуть к очагу и вытащить оттуда почти не подгоревшую печень. Ихний Один там, у себя на небесах, и без этого найдет что пожрать. Так зачем же такому деликатесу пропадать зря? Впрочем, мой героический поступок нашел одобрение лишь в глазах Попова. Ваня меня и вовсе не увидел, а Рабинович, заметив мой смелый демарш, зашипел, как перегретая кофеварка:

– Фу, Мурзик. Фу, кому сказал! Положи на место.

Щаз-з-з! Причем с тремя буквами «з» в конце. Положить-то печенку я положу, чтобы ты, противная морда, от меня отвязался, но вот тащить обратно я ее не буду. Пусть уж она мне сердце своим присутствием согреет, чем сгорит на радость мифическому божеству! Выплюнув печень поближе к ножке стола, я виновато посмотрел на Сеню, делая вид, что раскаиваюсь. Рабинович покачал головой.

– Совсем от рук отбился? – шепотом поинтересовался у меня хозяин. – Жратву с помойки таскаешь, словно кот шелудивый? Ох, вернемся домой, займусь я твоим воспитанием.

Ой, мать моя сучка! Устыдил и напугал. Ты сначала дорогу домой отыщи, Моисей ты наш ненаглядный, а уж потом грози своим воспитанием. И потом, печенку я не с помойки стащил, как ты изволил выразиться, а спас от безвременной кончины в огне. Так что мне за это, может быть, даже орден полагается!..

Впрочем, Сеня мою тираду все равно не понял, так что распинаясь я зря. Ведь знаю, что разговаривать с людьми, что бисер перед свиньями метать, но никак от дискуссии удержаться не могу. Видимо, горбатого только могила исправит, а ведь так хочется взаимопонимания!

Вот так, размышляя о тщетности всего земного, я и пропустил начало пирушки. Очнувшись от тяжких мыслей только тогда, когда вокруг меня стали мелькать чьи-то ноги, хоть и обутые в меховые ботинки, но зато без штанов, а лишь укрытые едва ниже колен платьями из грубого холста. Догадавшись, что это девушки-аборигенки начинают обносить гостей местным алко-голем, я горестно вздохнул и отодвинулся подальше под стол. Они-то, может, и не понимают, что трясут юбками над головой у самца, пусть и собачьей породы, но мне-то подсматривание, хоть и случайное, чести не делает. Все-таки я не в коровнике, как они, воспитывался!

Трое ментов пить местное пойло наотрез отказались. Жомов, недовольно посмотрев на полупустую бутылку «Абсолюта», горестно вздохнул и разлил водку поровну в три серебряные рюмки. Форсет с нескрываемым любопытством наблюдал за этими манипуляциями и, когда бутылка опустела, робко протянул к ней свою грязную лапу. Ваня инстинктивно отодвинул бутылку в сторону и вопросительно посмотрел на прадедушку российского бомжа.

– Ты че, пустые бутылки собираешь? – поинтересовался он у кенинга.

– Этот сосуд, наверное, колдовской? – задал контрвопрос сжигаемый любопытством викинг. – Не позволят ли мне могущественные ворлоки Муспелльсхейма прикоснуться к нему?

– Слушай ты, Форсет или Корсет, мне лично по хрену, – да, дети, будь вы хоть трижды Ванями Жомовыми, не пейте водку на голодный желудок! – но если ты сейчас же нормальным языком разговаривать не начнешь, я тебе мигом урок грамматики преподам. Прямо вот этим и по темечку. – Жомов сунул под нос кенингу свой кулак необъятных размеров. Тот отпрянул.

– А «нормально» – это как? – растерянно поинтересовался викинг.

– Так, чтобы всем понятно было и без этих твоих выпендрей! – рывкнул на него Ваня. – Короче, ты понял.

– Андрюша, будь добр, сядь рядом с этим гипертрофированным имбецилом и попытайся его чем-нибудь занять. – Сеня не без усилий, но все же отодвинул клешню Жомова от носа Форсета. – Мне с кенингом кое о чем переговорить нужно.

Попов пожал плечами и поменялся местами с Рабиновичем. Чем занять Жомова, Андрюша сообразил довольно быстро, просто поднес к носу расстроенного омовца огромный ковш в виде дракара, наполненный до краев местным пойлом. Ваня, побрезговавший халявной выпивкой во время первого разлива, второй раз такую возможность упускать не собирался. Кривясь и морщась, он все-таки осушил емкость до дна, а потом, пожав плечами, потребовал добавки. Сеня же в это время занялся делом, для себя куда более интересным, чем бессмысленное поглощение протухшей браги.

– Этот сосуд, Форсет, действительно волшебный, – вполголоса проговорил Рабинович, придвинувшись поближе к кенингу. Все! На своего любимого конька сел. Теперь плевать моему Сене, что творится вокруг, и я со спокойной душой принялся поглощать спасенную из огня печень.

А Рабинович тем временем продолжил:

– Он принесен сюда демонами из далекой страны, где эти сосуды – большая редкость. – Во заливает! В каждом ларьке таких бутылок – хоть завались. – Он крайне удобен для переноса различных жидкостей, очень стоек к внешнему воздействию и наделяет свое содержимое волшебной силой, дающей человеку, который выпьет ее, несказанную мудрость...

Я едва не поперхнулся. Ведь придумал же, подлец, чем простака-варвара зацепить?! Ну, скажите мне на милость, много ли найдется существ, способных признать свою глупость? Вот теперь Форсет даже проверить свойства бутылки «Абсолюта» не сможет, считая, что с каждым глотком становится мудрей.

– К тому же и сделан этот сосуд из теплого льда, который и летом не тает, – закончил свою дистрибьюторскую тираду Сеня. – Что само по себе огромная ценность.

– Так мне можно сей волшебный сосуд посмотреть? – едва сдерживая дрожь нетерпения, проговорил кенинг.

– Смотри, но осторожно, – предупредил его Рабинович. – Эту емкость охраняет могущественный демон, который разорвет каждого, кто причинит ей вред. Или, упаси того Один, и вовсе расколется. Даже говорить об этом страшно!

Форсет осторожно взял бутылку двумя руками и повертел ее, осматривая со всех сторон. Сеня даже помог ему, услужливо показав, как отвинчивается пробка. А затем стеклотара пошла гулять по столам! Уж что только ни делали с ней аборигены: и нюхали, и щупали, на пламя очага сквозь нее смотрели. А один особо сообразительный тип даже попытался отгрызть кусочек. А я наблюдал за всем этим безобразием из-под стола, теперь совершенно ясно представляя, как испанские конкистадоры продавали индейцам бусы! Наконец безобразие завершилось, и бутылка вернулась к Рабиновичу.

– Что ты хочешь за сей драгоценный сосуд, благородный ворлок Сеннинг Робинсен? – алчно заинтересовался Форсет. Так и есть! До седых волос идиот дожил, а ума не нажил.

– Уж не знаю, найдется ли у тебя что-нибудь достойное этой бесценной вещи, – будто в тяжких раздумьях проговорил Сеня. – Да и жалко ее продавать. Дорога, как память о маме.

Во врет и не краснеет. Люди добрые, он же эту бутылку только сегодня увидел! Видит дог, я изо всех сил пытался помешать заключению этой сделки. Однако абориген оказался глух не только к моему лаю, но и к голосу своего разума. Если он у него вообще когда-нибудь был. В итоге после недолгого торга обе договаривающиеся стороны остановились на мере драгоценных камней, равной по объему бездонной фуражке Вани Жомова. И только после этого пьянка пошла обычным чередом с неизменными песнями и экзотическими танцами.

О последних стоит рассказать особо. Здешние виртуозы имели на вооружении какое-то подобие гуслей, барабанов из пустых пеньков и коровьих рогов. Какофонию весь этот пещерный симфонический оркестр производил невообразимую, однако все местное население, видимо, считало напев крайне мелодичным и лихо отплясывало посреди доисторического зала некое подобие гопака, смешанного с лобовым тараном истребителей. Однако натешиться этим экстремальным зрелищем я вволю не успел. В пиршественный зал ворвался какой-то оборванец и заорал, размахивая руками и пытаясь перекричать доисторическую рок-группу:

– Ингвина приближается!

В один миг все вокруг стихло. Музыканты побросали инструменты, пьяницы повскакивали со своих мест, и даже местные официантки объявили забастовку, прекратив приносить к столу алкоголь. А когда из-за стола грузно поднялся и сам кенинг, я понял, что кем бы ни была эта Ингвина, но, похоже, новых неприятностей нам сегодня не избежать!..

Глава 4

На несколько секунд сцена в пиршественной зале напоминала финальную сцену гоголевского «Ревизора» в исполнении актеров театра эпохи неолита. У Сени Рабиновича так и свербило в длинном носу нестерпимое желание встать и с надлежащим пафосом воскликнуть: «Господа, я принес вам пренеприятнейшее известие. К нам едет динозавр!» Однако кинолог сдержался, пытаясь угадать, в следы пищеварительного процесса какого существа они вляпались на этот раз.

Жомов с Поповым с завидной солидарностью поддерживали обеспокоенность друга известием о приближении неизвестной Ингвины и одновременно начали готовиться к бою – Андрюша выпустил из рук куртку с Горынычем, незваным гостем на праздничном пиру, и достал пистолет, а Ваня принялся с усердием разминать кисти рук верной дубинкой, словно обычным эспандером. А Ахтармерз, выпущенный наконец неблагодарными компаньонами на свободу, принялся с завидным аппетитом поглощать все, что накидали под стол участники банкета. Причем делал это с таким проворством, что даже умудрился стащить у меня из-под носа мозговую кость...

Тишина в зале длилась секунд пять, а затем вмиг взорвалась диким ревом. Все присутствующие на пиру жители деревни заголосили одновременно, отчего разобрать их крики не представлялось никакой возможности даже чуткому уху Мурзика, а затем в едином порыве аборигены устремились на выход, едва не сорвав шкуры, закрывавшие дверь. Через несколько секунд в зале остались лишь трое друзей, так и не пожелавшие отрывать седалища от скамеек, да престарелый Форсет, сделавший в нерешительности лишь несколько шагов к выходу, а затем остановившийся и подобострастно посмотревший на трех псевдovorлоков. Похоже, новым налетом норвежских басмачей здесь и не пахло!

– Это моя... – попытался было что-то объяснить друзьям кенинг, но окончание его фразы заглушил дикий рев, раздавшийся со двора.

– Похоже, наши гол забили, – по-своему прокомментировал вопль восторга Жомов и осушил очередную бадейку местного пойла. – Интересно, какой счет?

– Нибелунги – Ингвина, 5:0, – тут же состряпал дешевую пародию Андрюша. – Интересно, что там происходит?

– Сейчас узнаем, – пожал плечами Рабинович, и тут же со двора донесся новый крик. На этот раз аборигены дружно скандировали лишь одно слово: «Ингвина, Ингвина».

– Нет, это, похоже, нашим забили, – сделал свой вывод Жомов. Сенья с безмерной печалью в глазах посмотрел на него.

– На чужой стороншке рад своей воронушке, – проговорил он, разведя руки в стороны. – Вспомнил дом Иван-дурак, вот и шутит кое-как.

Пока Жомов пытался сообразить, что именно хотел сказать Рабинович, в пиршественную залу ворвалась толпа ликующих колхозанов скандинавского калибра. Ваня, может быть, и умудрился бы придумать достойный ответ кинологу, но перекричать беснующихся викингов и викингинь было все равно невозможно. Поэтому Жомов только махнул рукой, решив потом когда-нибудь оптом отыгаться на Сене за все издевательства.

Меж тем буйство в зале не прекращалось ни на минуту. Варвары, продолжая дружно скандировать прежний клич, расходились в стороны, неровными скопищами выстраиваясь вдоль стен, словно дальние родственники на похоронах. Постепенно они освободили центр зала и тут же, раздвинув шкуры, внутрь вошли два вооруженных до зубов громилы. После их появления толпа еще раз громко рявкнула «Ингвина» и тут же затихла, будто всем аборигенам одновременно вогнали в рот пудовые кляпы. Трое ментов, старательно очистив уши от остатков засевших там намертво диких криков, с нетерпением стали ждать продолжения веселья.

И оно состоялось. Да еще какое! После небольшой паузы вслед за двумя вооруженными викингами в зал вошла златовласая девушка, так же разительно отличавшаяся от остальных дам, присутствующих на пиру, как фигуристка от стада слонов. У все троих ментов дружно отвалились вниз челюсти. Да и было с чего. Помимо золотых пышных волос, прекрасной фигурки и точеных черт лица, Ингвину отличало от прочих викингских женщин наличие доспехов, явно сделанных великолепным мастером именно для женщины, – длинного, но узкого меча на поясе и сверкающего золотом шлема в левой руке. Сеня сглотнул слюну.

– Вот это да-а! – восхищенно протянул Рабинович.

– Ничего себе бабенка. Только малость низковата, – согласился с ним Жомов и, тут же утратив к Ингвине всякий интерес, стащил из-под носа замороженного Сени его ковш с алко-голем.

– Что бы ты понимал, – не отводя глаз от девушки, пробормотал Сеня и обратился за поддержкой к Попову: – Согласись, Андрюша, это высший класс!

– Валькирия как валькирия, – шмыгнув носом Попов и поинтересовался: – Сеня, может, сначала пожрем, а потом будем баб обсуждать? Кто же на голодный желудок о женщинах говорит?

– А тем более по-трезвому! – поддержал его Ваня.

– Да пошли вы все в ППС дежурить, – психанул Рабинович и, поднявшись со скамейки, попытался обойти стол и выйти навстречу новой гостье.

Однако его маневр остался незамеченным. Ингвина на секунду замерла в дверях, а затем, не глядя по сторонам, направилась напрямик к Форсету. Тот вытер нос рукавом своей кожанки и, заискивающе улыбнувшись, посмотрел в глаза девушке. Та остановилась в двух шагах от него.

– Я вижу, дядя Форсет, вы тут пируете? – мелодичным, но твердым и несколько ироничным голосом поинтересовалась она. Кенинг, как китайский болванчик, замотал головой. – Ну, вашу радость я могу понять, поскольку сумели справиться вы своими силами с войском Эрика Рыжего. Однако, клянусь милостью Бальдра, не пойму, зачем нужно было тогда спешно посылать за помощью и отрывать людей от важных занятий? Или же, дядя Форсет, увидев паруса на горизонте, ты перепугался, словно трусливый етун, и, не оценив сил врага, едва не испустил дух? Для тебя собственная жизнь стала дороже милости Владыки эйнхериев и чертогов Вальгаллы?

Сеня в смятении замер на половине пути. Увидев перед собой красивую и хрупкую девушку, пусть и в доспехах (мало ли какая мода была в эти времена!), он ожидал от нее нежных речей, мягких улыбок и томных взоров, однако вместо этого услышал звон металла в голосе, увидел ледяное презрение в глазах и всем своим существом почувствовал неукротимую жизненную силу Ингвины. Думаете, это охладило его пыл? Как бы не так. Скорее кот откажется от мартовских серенад, чем Сеня от очередного амурного приключения.

– Ничего. Мы и не таких феминисток обламывали, – самодовольно ухмыльнулся Рабинович и попытался сделать по направлению к вновь обретенной даме сердца очередные несколько шагов, но его остановил неожиданный жест Форсета.

– Ингвиночка, деточка, да я тут при чем? Это все они! – воскликнул кенинг, махнув рукой в сторону ментов. – Сие есть могущественные ворлоки Муспелльсхейма, и именно их вмешательству обязаны мы столь нежданной победой над разбойником Эриком. Пойдем, я тебя с ними познакомлю и все подробно расскажу.

Только сейчас Ингвина заметила пресвятую троицу Отдела внутренних дел. Удивленно вскинув брови, девушка придирчиво осмотрела странный наряд незнакомцев, с неменьшим удивлением окинула взглядом безбородые лица ментов и, пожав плечами, повернулась к Форсету.

– Прежде прикажи поставить коней в стойло и посади моих людей за пиршественный стол, – немного смягчив тон, произнесла Ингвина. – А уж затем я послушаю ваши байки и, если они окажутся правдивыми, так и быть, сменю гнев на милость.

– Ни хрена себе! – едва не подавившись местным пивом от этих слов, возмутился Жомов. – Может, эта кошелка нас еще и на пальцах разводить начнет?

Сеня тут же окрысился на друга и, показав ему кулак, поспешил навстречу Ингвине. Ваня в ответ только пожал плечами и покрутил пальцем у виска. Дескать, нет ума роженного, не дашь и ряженого. Попов, в этот раз полностью соглашаясь с омовцем, утвердительно кивнул головой, не забывая прожевывать очередной кусок жирной свинины. А Рабинович, забыв обо всем на свете, остановился перед златовласой девушкой.

– Сударыня, вам уже, наверное, тысячу раз говорили о вашей несравненной красоте, – старательно изображая на лице самую голливудскую из всех возможных на свете улыбок, осклалился Рабинович. – И пусть я рискую показаться не оригинальным, но все равно скажу, что ваша красота способна ослепить ярче солнца, клянусь алюминиевыми пластинками моей тети Сони!..

– Скажи мне, о странник, это так в ваших краях доблестные воители приветствуют друг друга? – оборвала его словоизлияния Ингвина. И поделом! Рабинович поперхнулся.

– Вообще-то доблестные воители в наших краях пожимают друг другу руки, – не переставая улыбаться, словно заправский Гуинплен, растерянно пробормотал Сеня. Девушка протянула вперед ладонь, и Рабиновичу не оставалось ничего другого, как неуклюже пожать ее.

– Тогда приветствую тебя, незнакомец, – с некоторым вызовом в голосе произнесла Ингвина. – И если твои деяния столь же велики, как похвалы, расточаемые моим глупым дядей, то пусть милость Тора никогда не покинет тебя и его молот Мьельнир вдохновляет твое сердце на битву!

– И тебя с тем же. И тебе того же, – в полной прострации пробормотал Сеня, глядя в спину удаляющейся девушки. А затем добавил: – И тебя... туда же!

Впрочем, эта его тирада осталась без внимания, как нелегальная торговля самогоном на дому после взятки участковому. Ингвина, гордо подняв златокудрую головку, прошла к столу Форсета и преспокойно уселась на место Рабиновича. Сеня от такого поворота событий в сердцах сплюнул, а Жомов, увидев его полное фиаско, дико загоготал.

– Ваня, тебе не по фигу, где медовуху глотать? – вкрадчиво поинтересовался Рабинович, подходя к омовцу.

– По фигу, – продолжая скалиться, согласился тот.

– Ну так подвинься куда-нибудь, – едва сдерживая гнев, сквозь зубы процедил Рабинович.

– Без проблем, – кивнул головой Жомов, всегда сочувствовавший жертвам любовных похждений, и, недолго думая, переместился на соседнюю лавку, мощным крупом потеснив пирующих.

Из-за непомерных возлияний большинство из новых соседей Жомова по столу даже не заметило, что произошло, лишь удивившись столь быстрой перемене блюд. Часть, видимо, недостаточно пьяная, возмутилась тем, что им подали чьи-то объедки, малая толика подивилась резкой перемене собеседников напротив, и лишь тощий викинг, сидевший на самом краю скамьи, открыл от удивления рот, в одну секунду вдруг оказавшись лежащим на полу. Впрочем, горизонтальное положение его устраивало, видимо, больше, чем вертикальное, поскольку завопив на весь зал: «Гарсон, счет!» – викинг тут же захрапел.

А между тем на противоположном конце стола захмелевший Форсет, размахивая руками, описывал несравненные подвиги трех чужестранцев. С его слов получалось, что один только Сеня Рабинович уложил своими руками около двух сотен берсерков, а уж Жомов и вовсе остановил целую бронетанковую дивизию. Подвиги Попова в этот день вообще заняли бы

сотню страниц в какой-нибудь эпической саге Снорри Стурлусона, однако кенинг их несколько сжал. Зато увеличил размеры приبلудных бесов. А когда Ингвина позволила усомниться в сем факте, Форсет призвал на помощь свидетелей. И они пришли!

Если бы у адвоката Чикатило на суде присяжных было столько свидетелей, то знаменитый маньяк вместо смертного приговора был бы причислен к лику святых. Однако у Чикатило со свидетелями были проблемы, коих не испытывали трое ментов. Свидетели их подвигов, окружив Ингвину, принялись столь горячо убеждать девушку в доблести сынов Муспелльсхейма, что у нее от их болтовни разболелась голова.

– А ну, марш отсюда! – рывкнула юная воительница, и всех доброжелателей словно ветром сдуло от стола.

– Хорошо. Может быть, все, что вы говорите, и произошло на самом деле, – наконец дождавшись относительной тишины в зале, провозгласила Ингвина, – но я поверю в ваши байки только после того, как своими глазами увижу чудо, сотворенное этим ворлоком.

– Да без проблем, – проговорил захмелевший от частых тостов за здравицу Попов. – Хочешь, я угадаю, как тебя зовут? – И, увидев удивленные глаза воительницы, поправился: – То есть я собирался сказать, хочешь, сейчас гром будет среди ясного... потолка?

Не дожидаясь ответа, Андрюша выхватил из кармана табельный пистолет Жомова и, вскинув руку с оружием кверху, нажал на спусковой крючок... Ничего не произошло! Попов передернул затвор и попытался выстрелить еще раз, однако эффект получился полностью идентичным первой попытке. В третий раз результат получился тем же – то есть нулевым. Андрей озадаченно осмотрел пистолет.

– Слушай, кабан, не умеешь стрелять, не берись, – возмутился Ваня, отбирая у друга табельное оружие. – А то сейчас так звездану в ухо, что сам начнешь из всех дырок палить круче пулемета Дегтярева.

Жомов, подобрав с соломы давшие осечку патроны, внимательно осмотрел их. Боезапас выглядел абсолютно нормально, и даже на капсюлях присутствовали вмятины от боя. Ваня оторопело покосился на Попова.

– Ты что, урод безрукий, с оружием сделал? – угрожающе поинтересовался он.

– Не докапывайся до него, – вступился за окончательно растерявшегося криминалиста Рабинович. – Между прочим, оружие ты сам всю дорогу тащил. И вообще, давай с пистолетом завтра разберемся! Сегодня мы вполне заслужили спокойный отдых. Без разборок!..

– Так что, чудес можно не ждать? – язвительно поинтересовалась Ингвина, вмешиваясь в их разговор.

– Увы, мадемуазель, кина не будет. Электричество кончилось, – развел руками Рабинович.

– Фи! – презрительно махнула рукой воительница, и от этого неожиданного проявления женственности Сеня окончательно разомлел, как бомж на теплотрассе в январе.

После этого о фокусах новоиспеченных ворлоков и об их беспримерных подвигах на время забыли. Форсет с Ингвиной принялись обсуждать какие-то свои насущные проблемы, вроде переноса курятника из правого верхнего угла крепости в левый нижний, и Сеня откровенно заскучал. Пожирая глазами свою новую избранницу, Рабинович пару раз пытался привлечь к себе внимание бестолковыми советами, но лишь наткнулся на равнодушно-вежливый взгляд юной воительницы и терял все желание продолжать разговор. Но когда кенинг извлек из закровов свое новое чудесное приобретение в виде пустой бутылки из-под «Абсолюта», у Сени вновь появилась возможность стать центром всеобщего поклонения... Палестина ты моя скандинавская!

Видимо, Сеня рассчитывал, что на Ингвину эта необычная посуда окажет такое же впечатляющее воздействие, как и на ее глуповатого дядюшку, однако Рабиновича ждало очередное разочарование. Не дослушав кенинга, воительница презрительно оборвала его.

– И ты, дядюшка, конечно, приобрел эту действительно странную бутылку, не проверив ее свойств? – скорчив недовольную мордашку, поинтересовалась она.

– Ты что, Ингвиночка, как я могу подвергать сомнению слова ворлоков, чье могущество мне довелось увидеть собственными глазами, да поразит меня Одноглазый своим несравненным Гунгниром! – возмутился Форсет.

– Зато я могу! – заявила Ингвина и, выхватив из рук родича бутылку, потребовала: – А ну-ка, слуги, наполните ее ключевой водой!

Приказание воительницы было тут же исполнено. Какая-то девушка из челяди кенинга мигом принесла из задней комнаты объемный ковш с водой и, трепеща от благолепия магического сосуда, осторожно наполнила его до краев. Все присутствующие в зале, кто еще хоть на полмиллиметра мог приоткрыть веки, затаили свое дыхание, сосредоточив внимание на новом шоу. А Ингвина, не обращая ни на кого внимания, лихо поднесла бутылку к губам и одним махом осушила ее наполовину. Поставив стеклотару на стол, она с усмешкой посмотрела на кенинга.

– Ну, и стала я умнее? – поинтересовалась она.

– Да уж куда еще-то?! – буркнул себе под нос Рабинович, а вслух поспешил прояснить ситуацию, дабы развеять возникшие в полупьяной голове Форсета сомнения:

– Видишь ли, очаровательная Ингвина, в моей стране не принято женщинам брать в руки меч, а посему и мудрость воина им недоступна. Магия этого сосуда устроена так, что действует только на мужчин. И уж поверь мне, не моя в том вина! Кстати, кенинг Форсет, можете сейчас же проверить мои слова. Глотните из этого волшебного сосуда.

– Спасибо, нет. Я повременю с этим до случая крайней необходимости, – откровенно испугался неизведанного викинг, а затем, взяв себя в руки, торжествующе посмотрел на Ингвину. – Ну, что ты на это скажешь?

– Шарлатан он, а ты ему потакаешь, – осуждающе покачала головой воительница.

– Девушка, не смей так говорить с моими гостями, – видимо, хмель все-таки нашел в черепной коробке кенинга остатки мозгов и здорово вдарил по ним, раз уж Форсет впервые за вечер решил перечить своей племяннице. Ингвина, видимо, уже сталкивалась с такой ситуацией и решила не спорить с кенингом, отложив выяснение отношений на утро. А седовласый викинг повернулся к Рабиновичу.

– Давай выпьем с тобой, могущественный ворлок, за чисто мужскую, воинскую солидарность и мудрость, – заплетаящимся языком проговорил он.

Сеня не поддержать такой тост просто не мог, и к двум «мудрым и солидарным» мужчинам тут же присоединились Жомов с Поповым. Пьянка сделала новый виток. Многие из гостей кенинга оказались не способны следовать ее изгибам и, словно кегли от удара, начали ссыпаться под стол со скамеек. А перепившего Сеню вдруг посетило желание откровенничать.

– Знаешь, друг Фомка, – пробормотал он, обращаясь к кенингу. – Тяготит мою душу злая кручина. Злые демоны забросили нас так далеко от дома, что мы никак не можем найти дорогу обратно. Скитаемся из конца в конец Земли, а пути домой так и не видим.

– Вот так история, клянусь коварством Локи! – завопил удивленный Форсет. – Неужто какие-то зачуханные демоны смогли обставить вас, столь могущественных ворлоков?

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – горестно вздохнул Рабинович.

– Ну, если кто и сможет вам помочь, то только Хрюмир, – хмыкнул кенинг и развел руками. – Я здесь бессилен, ибо неведомы мне еще тайны девяти миров. Хотя если достаточно много выпить жидкости из вашего волшебного сосуда...

– Так долго мы ждать не можем, – перебил его Сеня. – А кто такой Хрюмир?

– Насколько мне известно, это самый могущественный во всем Митгарде ворлок и наиглавнейший мудрец, – многозначительно произнес Форсет. – Ходят слухи, что в его жилах

течет кровь етуна Эгира, повелителя моря. Говорят, что мать Хрюмира, Сигюн, была столь прекрасна, что когда однажды купалась в море и ее заметил Эгир...

– Это все, конечно, очень интересно, – вновь прервал объяснения кенинга Рабинович, – но лучше ты расскажи, как к нему добраться, а Хрюмир о своих предках сам нам поведает.

– Да тут недалеко, хотя я и не уверен, что вы сможете убедить этого отшельника помочь вам, – развел руками Форсет и, заметив, что Сеня пытается возразить, пожал плечами. – Впрочем, могу объяснить дорогу...

– Не нужно! – Голос Ингвины раздался над ухом Рабиновича так неожиданно, что он едва не свалился со стула. – Я сама провожу их туда. У меня тоже есть к Хрюмиру пара вопросов.

– Только не это! – почти трезвым тоном попытался оспорить решение Ингвины Жомов. – Женщина на корабле – причина пожара.

– А мы поскачем на лошадях, – с холодной улыбкой на очаровательных губах успокоила его воительница. Ваня вопросительно посмотрел на Рабиновича, но тот лишь беспомощно пожал плечами.

– Все, пропал мужик, – констатировал Жомов и, поминая безвременно ушедшего во вражеский лагерь друга, осушил очередной жбан медовухи...

Утро, как водится в таких случаях, началось с головной боли. Она пришла без приглашения и вежливо постучала в черепушки всех троих ментов, спрашивая разрешения войти. А поскольку ни один из трех горе-путешественников с похмелья не соображал, то все трое дружно ответили на стук: «Да-да, войдите!» – хотя могли бы уже привыкнуть к тому, что ранним утром после попойки дверь открывать никому не нужно. Даже самому министру внутренних дел. Впрочем, именно ему не «даже», а «тем более».

Первым из троицы проснулся мучимый с похмелья не только лютой головной болью, но и адской жаждой Сеня Рабинович. С трудом приподняв голову, он несколько секунд удивленно осматривался по сторонам, пытаясь понять, где находится и как вообще в этом месте оказался. А сориентировавшись в пространстве и времени, Рабинович тут же пожалел, что проснулся.

– О, боже мой, когда это кончится! – со стоном вновь повалился он на ложе из шкур. – А ведь мне приснилось, что мы вернулись домой и тут же схлопотали выговор от начальника отдела.

– Уж лучше бы нас уволили еще до того, как взяли на работу, – размечтался в ответ Андрюша, проснувшийся от шумной возни Рабиновича. – И зачем я вообще с вами водку тогда пил?

– Вот больше ни грамма и не получишь, – раздался из другого угла тоскливый голос Жомова.

– А хрен под майонезом не хочешь?! – возмущенно заорал Попов и тут же схватился за голову. – Жомов, я и этот приступ мигрени тебе припомню.

– Эй, люди, принесите кто-нибудь воды! – жалобно взмолился Сеня и, не получив ответа, наконец обратил внимание на меня, лежавшего у порога. – Мурзик, хоть ты хозяина выручи. Водички принеси.

Я чуть приподнял с лап голову, услышав свое имя, а затем, безжалостно-равнодушно посмотрев на хозяина, опустил ее на прежнее место и закрыл оба глаза. Впрочем, иной реакции Сеня от меня и не ожидал. Как не ожидал и того, что в его содержательную беседу с друзьями встрянет еще кто-то.

– Вот именно поэтому мы используем алкалоиды для борьбы с вредителями, – раздался непонятно откуда голос Горыныча. – И до тех пор, пока вы, гуманоиды, будете себя травить этой дрянью, вам никогда не достигнуть вершин цивилизации.

– Утухни, рептилия! – в один голос заорали на новоиспеченного пропагандиста трезвого образа жизни болеющие с похмелья менты. – И без тебя хреново.

Горыныч обиделся, но не настолько, чтобы превысить все мыслимые пределы. Видимо, дракон из параллельного мира уже начал привыкать к постоянным оскорблениям ментами своей чувствительной натуры. Презрительно посмотрев на трех людей одновременно всеми головами, он отвернулся к стене и принялся слизывать с нее какую-то живность. То ли мокриц, то ли тараканов.

Ментам в этом плане было несколько тяжелее. Хотя и привыкли они питаться дома сосисками из картона, вермишелью быстрого приготовления и крабовыми палочками из смеси трески с соей, но полностью на подножный корм еще не перешли. Поэтому волей-неволей всем троим пришлось вставать. Первым поднялся Рабинович и, посмотрев на развешанную по колышкам, вбитым в стену, форму, страшно удивился. Сколько Сеня ни старался, все равно никак не мог вспомнить, как раздевался и ложился в постель. Да и самого окончания пира Рабинович вспомнить не мог. Впрочем, это было неважно. Главное, что все оказалось на месте. И бушлат Жомова, и куртку Попова аборигены вернули. Да к тому же и все драгоценности были на месте. В общем, чистая идиллия.

Торопливо шаря по карманам своей формы, Сеня даже не сразу понял, насколько холодно в комнате. А почувствовал мороз он только тогда, когда с облегчением убедился в том, что все до последнего, самого мелкого, самоцвета находятся на своих местах. И вот тогда он услышал, как стучат от холода его собственные зубы. Коротко выругавшись, Сеня принялся торопливо одеваться, едва справляясь трясущимися руками с непослушными пуговицами.

Андрюшу Попова это зрелище не воодушевило. Крайне чувствительный к перепадам температуры, как и все толстяки, он не желал выбираться наружу из-под вонючих, но теплых шкур и умудрился-таки уговорить жалостливого Жомова сбросить форму с колышков на постель. Умудрившись быстро одеться в горизонтальном положении, Попов сел и горестно посмотрел на Рабиновича.

– Ну, Сеня, и что теперь? – плаксивым голосом поинтересовался он. – Может, хоть сейчас объяснишь, отчего вместо дома мы оказались в этой гребаной глухомани?

– А что ты меня-то спрашиваешь? – удивленно спросил Сеня, осторожно ощупывая большую голову. – Это вон у нас спец по параллельным мирам и путешествиям во времени сидит, – усмехнулся он, кивая головой в сторону завтракавшего Горыныча. – Его и пытай, сколько тебе влезет!

– Боюсь, господа, я не смогу объяснить вам этот прискорбный факт, – повернув к друзьям среднюю голову, в то время как две другие продолжали слизывание живности со стены, сообщил Ахтармерз. – Может быть, если бы здесь был мой учитель по теории гиперпространственных перемещений, он смог бы вам все подробно расписать. А моих знаний для этого недостаточно. Я уже смирился с существующим положением вещей, советую и вам сделать то же самое.

– А хрен в бутерброд не хочешь? – возмущенно поинтересовался Ваня Жомов. – Ты думаешь, я буду спокойно здесь торчать, где даже какого-нибудь вшивого тира с завалявшейся «тозовской» винтовкой нет? А эпоксидная смола тебе не жвачка?

Ахтармерз только взмахнул крыльями, что на языке жестов его народа было равнозначно человеческому пожиманию плечами, и отвернул среднюю голову обратно к стене. На несколько секунд в комнате наступила тишина. Жомов с Поповым переглянулись, а затем вместе уставились на Рабиновича, стоявшего с задумчивым видом, будто тибетский отшельник перед небоскребом. А Сеня напряженно пытался вспомнить что-то важное, происшедшее вчера на пиру, но воспоминания о нем разбегались в разные стороны, словно тараканы от дихлофоса, и Рабиновичу никак не удавалось собрать их в одну кучу. И когда Сеня уже почти отчаялся усмирить это непослушное с похмелья стадо мыслей, шкуры, закрывавшие вход в каморку, раздвинулись в стороны – на пороге, едва не отдавив мне хвост, появилась Ингвина.

– Я вижу, обласканные вниманием кенинга Форсета доблестные сыны Муспелльсхейма все-таки поднялись с кроваток? – ехидно поинтересовалась она. – Так, может быть, могущественные ворлоки немного поторопятся, чтобы успеть тронуться в путь хотя бы к заходу Соля?

– А что, у этой мегеры даже соль куда-то уходит? – удивленно поинтересовался Жомов. – Хотя удивительно, что от нее и сахар еще не сбежал.

– Ванечка, да будет тебе известно, что в скандинавской мифологии Соль не что иное, как Солнце, – назидательно пояснил высказывание Ингвины Попов. – А сахар викинги и вовсе еще не изобрели.

– И с чего ты вдруг таким умным стал? – восхищенно поинтересовался Жомов и вдруг щелкнул Андрюшу по лбу. – Вроде и башка трещит по-прежнему, как пустая тыква, – прислушиваясь к получившемуся звуку, произнес он. – А мозгов почему-то прибавилось.

– Зато у тебя их совсем не осталось, баран бронезилетный, – потирая ушибленное место, буркнул Андрей. – И вообще, учти. Еще раз протянешь ко мне свои грабли, отрежу их ножовкой и скормлю Мурзику.

Услышав подобное обещание, я порадовался и отрывисто твякнул, заставив Ингвину, стоявшую в полушаге от меня, на мгновение потерять контроль над собой и подпрыгнуть на месте с истинно женским визгом. Оба спорщика расхохотались от такого проявления слабости со стороны «железной леди», а в глазах Сени Рабиновича, до сих пор стоявшего посреди комнаты с выражением счастливого дебила на лице, проявились первые признаки сознания.

– Я-то тут, блин, голову ломаю, а ларчик просто открывался, – обрадованно заявил Рабинович, обводя взглядом друзей.

– Сеня, только не говори мне, что на этот раз ты задумал какую-то аферу с ограблением, – растягивая слова, промычал Попов. – Если снова попробуешь провернуть что-нибудь в своем торгашеском духе, я тебя собственными руками придушу и не посмотрю, что Мурзик сиротой останется!

– Не волнуйся ты так, Андрюша, – рассмеялся Сеня, похлопывая Попова по спине. – Нам поможет Хрюмир.

– Да? – изумился Андрей. – А почему не бемир или мумир? В конце концов, можно мяумира, на крайняк, припахать. – И вдруг заорал благим матом: – Хватит нам мозги компостировать, кондуктор трамвайный! Что еще за идиотство ты успел придумать?

– Какова пашня, таково и брашно. У Андрюши что взошло, то на корм скоту пошло, – усмехнулся Рабинович и пояснил свою мысль: – Дурак ты, Попов, и не лечишься. Хрюмир – это местный аналог Мерлина. Вчера мне посоветовали обратиться к нему с просьбой вернуть нас домой, а эта милая леди вызвалась показать нам дорогу.

– Что же ты до сих пор молчал, идиот?! – разом завопили Жомов с Поповым, а Сеня, продолжая самодовольно ухмыляться, лишь развел руки в стороны.

– Так, значит, вы и этого не помните? – возмутилась Ингвина, до сих пор с выражением молчаливого недоумения на лице наблюдавшая за экстравагантными выходками ментов. – Ну, молодцы, великие ворлоки! В общем, делайте что хотите, но как только Соль пройдет половину пути к зениту, я отправляюсь к Хрюмиру. Предупреждаю, ждать никого не буду! – И юная воительница, круто развернувшись, вышла из тесной спальни.

– Я же говорил, что всегда нужно надеяться на лучшее! – радостно заявил Ахтармерз, выбираясь из-под стопки шкур, куда предусмотрительно спрятался с приходом Ингвины.

– Молчал бы уж лучше, пророк огнедышащий, – усмехнулся Рабинович и, неожиданно для себя самого, потрепал среднюю голову Горыныча по чешуйчатому загривку. Ахтармерз от неожиданности шлепнулся на задние лапы и попытался правой головой укунить себя за хвост. Хвост благополучно успел спрятаться под крыло, и голова, клацнув зубами по стене, разочарованно вернулась в исходную позицию.

Впрочем, эти манипуляции Горыныча остались вне поля зрения Рабиновича. Воодушевленный открывшейся перспективой, Сеня бросился сломя голову собираться в дорогу. Он сделал по комнате несколько кругов, прежде чем сообразил, что собирать особо и нечего, поскольку, отправляясь из Англии, все трое друзей последовали лучшим традициям улиток – все свое ношу с собой!

И все же небольшое дополнение к скромной экипировке Рабинович придумал. Пытаясь вернуться домой, менты не могли даже подумать о том, что попадут в заснеженную Скандинавию. И уж меньше всего рассчитывали на присутствие хладнокровного Горыныча в качестве страдающего от холода доведка к амуниции. Теперь физиологи Ахтармерза приходилось учитывать, и Сеня с присущей ему изобретательностью соорудил для Горыныча идеальный спальный вагон.

Переложив из заплечного мешка Попова все его содержимое в котомку к Жомову, Рабинович выстелил изнутри освободившуюся тару кусками шкур. Через пару минут работы получился довольно приличный спальный мешок для драконов, куда и был помещен успевший скомпоноваться от холода Ахтармерз. Всучив готовую конструкцию Андрюше, Сеня горестно вздохнул.

– Все заметили, что Горыныч тебя больше других любит, – проговорил он, закидывая свою котомку за плечо. – Было бы бессовестно вмешиваться в вашу дружбу, поэтому вручаю драгоценную ношу тебе, Андрей. Береги нашего гостя как зеницу ока.

– Сволочь ты, Сеня, – только и смог вымолвить Попов, поднимая с пола довольно увесистый груз. – Отольются кошке мышьи слезы!

– Опять?! – Услышав новую поговорку из уст криминалиста, Сеня даже подпрыгнул на месте и круто повернулся на сто восемьдесят градусов. Однако никакого отливания слез не началось, и Рабинович успокоился.

– Ой, последний раз, Андрюша, тебя предупреждаю, чтобы следил за своими базарами! Иначе, честное слово, пожалеешь, что вообще говорить научился. – Сеня ткнул Попова пальцем в грудь и, круто развернувшись, помчался к выходу. – Мурзик, рядом!

Ингвина уже ждала их во дворе корявого замка Форсета. Около нее переминались с ноги на ногу хозяин сооружения и четыре лихих скакуна, внешним видом поразительно схожих с татаромонголами, такие же кривоногие, низкорослые и узкоглазые! К тому же в отличие от английских жеребцов, таскавших на себе седла, пусть и без стремян, кони викингов были и вовсе минимально экипированы. Попросту говоря, ничего, кроме уздечки, у них не было.

– Ерунда! Правда, Ваня? – усмехнулся Рабинович, осматривая неказистых лошадок. – Мы и не на таких драндулетах катались.

Жомов неопределенно хмыкнул в ответ на утверждение Сени и взял под уздцы ту лошадь, что подвел ему грум. А беда случилась именно в тот момент, когда из внутренностей замка викингов на свет божий выбрался Попов. Увидев, на чем именно ему придется ехать, Андрюша заартачился. Да и лошади, непонятно каким образом пронюхавшие о его конфликте со своими родичами на берегах туманного Альбиона, ржанием выразили полное презрение к особе Попова и поспешили убраться от него на максимально допустимое уздечками расстояние.

– И вы хотите, чтобы я на этих тварях ехал? – возмутился Андрюша, с откровенной ненавистью поглядывая на лошадей. Те отвечали ему полной взаимностью. – Да я лучше полгода поститься буду, чем к этим кусачим парнокопытным подойду на расстояние ближе двух метров!

– Вот как? – презрительно фыркнула Ингвина. – Прославивший себя в битвах с демонами ворлок боится обычных лошадей?

– Не боюсь, а недолюбливаю, – довольно агрессивно ответил Попов, игнорируя предгрозовые взгляды Рабиновича. – У нас с ними полная психологическая несовместимость. А если это кому-то кажется невероятным, то пусть этот скептик идет к ядреной Фене!

Вряд ли Ингвина поняла, кто такая Феня и почему она ядреная, но тон Андрея ее явно оскорбил. Рабиновичу пришлось приложить все свои дипломатические способности, для того чтобы замять вспыхнувший конфликт между валькирией и экспертом-криминалистом. А когда страсти слегка улеглись, проблема с транспортом решилась сама собой – по приказу Форсета слуги прикатали откуда-то из глубины двора примитивную колесницу из неотесанных досок и с деревянными колесами, обитыми железом.

– Я все понял! – воскликнул бесподобный кенинг. – Такому великому ворлоку, как Андалъ Поповсен, не пристало ездить верхом, как простому смертному. Единственным достойным его средством передвижения может быть только колесница.

– Это еще куда ни шло, – пробормотал Попов и, дождавшись, когда грумы запрягут в нее двух лошадей, ехидно спросил: – И долго мы еще тут прохлаждаться будем? Поехали, что ли!..

Глава 5

«Вот так вот, Андрюша! Колесница – это тебе не велосипед и даже не инвалидное кресло», – подумал я, наблюдая, как толстяк Попов пытается справиться с непривычным для себя средством передвижения. Колесница, запряженная двойкой кривоногих кобылиц, никак не желала подчиняться горе-кучеру. Она то пыталась завалиться набок в излишне глубокой колее, то издевательски взвивалась на дыбы, норовя сбросить возничего в грязь, а лошадям оборвать все постромки, а изредка и вовсе принималась выписывать кренделя на узкой дороге, словно заправский электропоезд на «американских горках».

Попов первое время, пытаясь освоить новое средство передвижения, молча сопел, стоически выдерживая все фортели непокорной повозки. Затем начал что-то бормотать себе под нос. И наконец, когда после очередного пируэта колесницы Андрей не удержался на ногах и, чтобы не ударить в грязь лицом, в буквальном смысле этого выражения, был вынужден выпустить вожжи, терпению его пришел конец. Не выдержав нервного напряжения, Попов заорал так, что перепуганные лошади одним мощным рывком обогнали гарцующую впереди верхами троицу во главе с неподражаемой амазонкой... Тьфу ты, валькирией в данном случае!.. А клячи Жомова и Рабиновича, не сообразив, с какой стороны пришел звуковой удар, сначала взвились на дыбы, а затем шарахнулись в стороны от пытавшегося их переехать тарантаса.

Мой Сеня Рабинович еще каким-то образом сумел удержаться в седле, а вот грузный Ваня просто сполз с хребта своей лошади и свалился на мягкий снег обочины, где и был заживо погребен под осыпавшимися с елок шишками. Ну хоть памятник над его захоронением воздвигай с лаконичной надписью: «Погиб от русского мата!»

Впрочем, никто ему так легко давать помирать не собирался. Пока Ингвина гналась за взбесившейся колесницей Главного Друга кобыл и Великого Соратника меринов, а Сеня безуспешно пытался изловить окончательно офонаревшую лошадь Жомова, мне пришлось целиком взять на себя все спасательные работы и выгребать Ивана из-под завалов. Спасательные работы оказались не тяжелыми, и нести их на себе было просто. Куда сложнее оказалось извлечение Жомова из-под еловых шишек. Вот тут мне пришлось изрядно помучиться. Тем более что дважды контуженный Ваня – криком Попова и ударом о землю – не подавал никаких признаков жизни и, как следствие, не мог помочь мне в выполнении тяжелой миссии по спасению его собственной туши.

Вот уж не знаю, сколько Жомов под кучей шишек прохлаждаться собирался, но я его планы в любом случае нарушил. Едва после моего каторжного труда из-под груды беличьего лакомства показался большой палец Жомова, как я без зазрения совести укусил его... Извини, Ваня! Пощечины я давать не обучен, хоть и представляю, как это делается, а другого средства, кроме укуса, чтобы привести тебя в чувство, у меня не было. В итоге, после моей шокотерапии, Жомов заорал и, резко сев, сбросил с себя всю гору шишек.

– Охренели вы все, что ли? – непривычно жалобным голосом поинтересовался он. – Один орет как оглашенный, другой кусается внаглую, будто неожиданно сосиску в конуре нашел. Совсем, кабаны, страх потеряли? – И тут же закричал уже более привычным голосом: – Робин, а ну гони мою клячу сюда. Сейчас я проведу с ней воспитательную работу по поводу безопасной транспортировки пассажиров.

У меня отлегло от сердца. Если уж Ваня кому-то что-то собрался показывать, значит, контузия была легкой и он теперь в полном порядке. А то какими глазами мы посмотрели бы на командира ОМОНа, если бы вместо лучшего бойца вернули назад слюнявого нюню, жалостливо причитающего от каждого полученного тумака?! Не знаю, как командир ОМОНа, но Родина нам бы этого точно не простила.

Минут через десять после этого происшествия наша экспедиция вновь приняла привычный вид: Ингвина впереди на лихом скакуне, по бокам ее доблестные оруженосцы в лице моего хозяина и громилы Жомова, а замыкал вереницу тарантас под управлением Попова с грузом в виде компактного самоходного огнемета. Сам я конкретного места в строю не придерживался, и позволял себе маленькие прогулки по заснеженному лесу, то обгоняя, то отставая от процессии, едва не превратившейся в похоронную.

Путь наш лежал куда-то в глубину долины, к видневшимся сквозь туманную мглу на северо-западе недалеким отрогам гор. Первое время после рыка Попова его лошади вели себя смирно, будто овечки на зеленой лужайке, пока до них не добрался волк или я. Но едва мы оказались в той части леса, которая зовется буреломом и насквозь пропахла медведями, волками и прочей хищной живностью, каурые просто взбесились.

Нет, лошади понеслись куда-то сломя голову и единственную оглоблю между ними, мешающую приватному общению. Но сочетание пугающих запахов с присутствием ненавистного всему лошадиному племени Андрюши Попова позади крупы едва не довело лошадок до умопомрачения. Напрочь забыв о том, к какому виду представителей местной фауны они принадлежат, клячи стали неистово извиваться всем корпусом, стремясь то ли укусить друг друга за хвост, то ли оттяпать у пухлого Попова половину его жирной ляжки. Впрочем, ни то ни другое бунтаркам не удалось. Вовремя подроспела Ингвина и, бросив в сторону «могущественного ворлока» презрительный взгляд, свободной рукой взяла под уздцы крайнюю слева лошадь и, бормоча ей какие-то ласковые слова, легко повела кобылу вслед за собой. Второй кляче ничего не оставалось делать, как последовать за своей товаркой, а Андрюша обиженно пробормотал в ответ на недоброжелательный взор юной воительницы:

– Ишь какая умная! Хотелось бы мне посмотреть, мисс Супернаездница, что с тобой станет, когда ты за руль хоть какого-нибудь задрипанного «Запорожца» сядешь...

И все же, несмотря на ворчания Попова, нехитрый маневр Ингвины все же принес желаемый эффект. Лошади, запряженные в колесницу, потрусили вперед неторопливым шагом, не проявляя больше ни малейших признаков беспокойства. Правда, для моего Сени это было настоящей катастрофой! Дело в том, что Рабинович все еще не желал оставлять бесплодных попыток добиться расположения холодной, как «финка» на морозе, и столь же опасной северной красавицы. Сенья прямо-таки сгорал от желания ехать рядом с Ингвиной, но, после того как Златовласка приняла на себя управление тарантасом, на узкой лесной дороге Рабиновичу попросту не осталось места вблизи нее.

Вот и пришлось Сене, к вящему сожалению, сместиться в хвост процессии и занять место позади колымаги Попова. Впрочем, даже такой крайне нежелательный поворот событий мой Рабинович сумел обернуть в пользу для себя. Неспешно труся позади колесницы, я прислушивался к разговору ментов, в который раз не уставая поражаться практицизму своего хозяина. Ибо еще господь бог сказал людям о том, что кто владеет информацией, тот правит миром!.. Не помню, правда, в какой религии это было.

– Слушай, Андрюша, нам всем нужна твоя помощь, – начал издалека Рабинович.

– Только не говори мне, что собрался ввязаться в очередную авантюру, – не купился на уловку Попов. Жомов подозрительно посмотрел на обоих.

– Так я и не прошу, – махнул свободной рукой Сенья. – Просто тут складывается одна странная ситуация. Мы с Ваней ломаем голову, пытаюсь разгадать, в какое время нас занесло, а ты это знаешь и молчишь, как белорусский партизан перед расстрелом! Тебе не кажется, что это – самое мягкое – нечестно, если не сказать подло.

– Так вы же ни о чем не спрашивали, – хмыкнул Андрюша. – Да и знаю я не так много.

– Ты давай не прибедряйся, – поддержал Сенью простак Жомов. – А то ломаешься, как кисельная барышня на погосте.

– Это как? – оторопел Попов.

– Неважно как, – отмахнулся от него Ваня. – Главное, что некрасиво.

Тут мой Сеня с Андрюшей дружно загоготали, словно тетерева на току. А затем, когда обстановка полностью разрядилась и Попов окончательно успокоился после очередного конфликта с лошадьми, беседа и вовсе потекла непринужденно. И Андрей без утайки выложил все, что знал об этом крае. Информация, правда, была абсолютно безобидной, и лично я никак не мог понять, для чего все эти знания могли понадобиться Рабиновичу, однако не было еще в моей жизни случая, чтобы Сеня что-то делал из чистого любопытства. Уж я-то лучше остальных понимал, что мой хозяин затеял какую-то очередную прибыльную авантюру. Или по крайней мере собирается затевать. А рассказ Попова был вот о чем.

Вы, видимо, и без меня уже поняли, что мы с ментами перенеслись в эпоху викингов. Год, в который именно мы попали, Попов определить не смог, поскольку древние скандинавы не вели своего летоисчисления, а календарь «от Рождества Христова» сюда дошел слишком поздно. Видимо, это событие произойдет уже после нас.

– Единственное, что я могу сказать по поводу даты, так это то, что мы находимся в промежутке между эпохой короля Артура и правлением в Англии Ричарда Львиное Сердце, – развел руками Андрюша и при этом едва не свалился с шаткой колесницы. – Это я могу утверждать потому, что Эрик Рыжий, которому мы наподдали под зад вчера вечером, пиратствовал на просторах Балтийского моря примерно в этом промежутке. Точнее утверждать не берусь, хотя, может быть, и здесь я ошибаюсь.

– Ну-ка подожди, – перебил его Рабинович. – Мы же были в Англии, когда там, после сжатия временной пружины, правили одновременно и Ричард, и Артур. Как же после нашего переноса получилось, что мы оказались точно посередине их эпох?

– А что ты меня-то спрашиваешь? Это вон у нас спец по параллельным мирам и путешествиям во времени в твоём импровизированном спальнике сидит, – передразнил Попов утреннюю тираду Рабиновича и, увидев, что Сеня изобразил на лице крайнее огорчение этим ударом ниже пояса, усмехнулся. – А хрен ее мама знает! Лично я считаю, что мы что-то напортачили с заклинанием и эта проклятая спираль разогнулась сама по себе, выбросив нас, как ненужный мусор, где-то посередине дороги. Так что вряд ли нам твой хваленый Хрюмир поможет.

– Это мы еще посмотрим, – буркнул Рабинович, однако от дальнейшего обсуждения возможностей легендарного ворлока и мудреца уклонился.

Вместо этого Сеня принялся дальше расспрашивать Попова о викингах. Честное слово, я хоть и образованный пес, но многого из рассказа Андрюши никогда раньше не слышал. Попробую в двух словах поведать вам то, что смог запомнить. В общем, эти бородатые варвары считают, что вселенная состоит из девяти миров, а они, словно пуп земли, живут в самой середине. Они даже и землю так называют – Митгард, или Средний мир.

Впрочем, заправляют всей этой лестницей в небеса из девяти ступеней отнюдь не викинги. В их представлении всю власть пригребла к рукам шайка рэкети́ров, известная всем остальным группировкам под названием «асы». Видимо, эти сволочи считают себя отменными пилотами! Жаль, что их не существует, а то было бы любопытно посмотреть, как они после ударов Ваниной дубинки стали бы пикировать сверху лестницы вверх тормашками...

Но я отвлекся. Заправляет этой бандой одноглазый жлоб по кличке Один, прославившийся своими налетами на остальные группировки. Именно в одном из них он и потерял глаз, пытаясь скоммуниздить какую-то особо ценную штуковину. Видимо, гад на антиквариате специализируется. Боевиками у Одина заправляет некто Тор. Судя по описанию очевидцев, здоровый рыжий садист, любящий издеваться над жертвами при помощи обычного молотка.

В ближайших сподвижниках Тора, на должности начальника контрразведки, числится бандит по кличке Локи, пользующийся в определенных кругах славой бабника и хитреца. В принципе личность приметная, но в описании его биографии меня насторожила одна деталь. Видите ли, судя по словам Андрюши, этот криминальный элемент не только успел осчастли-

вить детьми нескольких дамочек сомнительного образа жизни, но и сам умудрился родить ребенка. Каково, а?.. Не верите? Вот и я не поверил. Хотя в нашу эпоху клонирования все возможно!

Впрочем, Локи хоть и важный человек в окружении Одина, но все же играет в группировке отнюдь не ключевую роль. Куда выше его на иерархических ступенях банды находится некто Хеймдалль. Особые приметы – полная пасть золотых зубов. Типичный образчик чисто «нового русского». Произнося это вслух, непременно раздвиньте в сторону пальцы на обеих руках! Этот самый Хеймдалль, как я понял, возглавляет личную охрану пахана и тщательно контролирует все проходы в штаб-квартиру группировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.